

Электронная библиотека “Либрус” (<http://librus.ru>)

Научно-техническая библиотека электронных книг. Первоначально задуманная как хранилище компьютерной литературы, в настоящий момент библиотека содержит книжные издания по различным областям знания (медицинские науки, техника, гуманитарные науки, домашнее хозяйство, учебная литература и т.д.). Серьезность научно-технических **e-book'ов** разбавляет раздел развлекательной литературы (эротика, комиксы, задачи и головоломки).

Основной целью проекта является ознакомление читателей с многообразием книгопечатной продукции и помощь в выборе действительно стоящей книги для приобретения у законных издателей, их представителей или в соответствующих организациях торговли. Для покупки через Internet мы рекомендуем воспользоваться услугами интернет-магазина “[Озон](#)”.

ВНИМАНИЕ!

Данный файл представлен исключительно в ознакомительных целях!

После ознакомления с данной книгой Вы обязаны удалить ее с Вашего компьютера.

В случае несоблюдения данного обязательства, Вы нарушите закон "Об авторском праве и смежных правах".

Все авторские права сохраняются за правообладателем. По его требованию доступ к данному электронному документу будет перекрыт. Однако, таким образом, тысячи потенциальных покупателей так и не узнают о, возможно, нужной и полезной книге.

Авторам и издательствам

Если Вы заинтересованы в рекламе и продвижении Ваших книг на бескрайних сетевых просторах мы с удовольствием включим их в наш каталог.

Ник Япп, Мишель Сиретт Эти странные французы

«Эти странные французы»: Эгмонт Россия Лтд.; Москва; 1999; ISBN 5-85044-303-7

Аннотация

"Французы видят великолепие и блеск во всем, что делают, ну а французские государственные деятели как эпохи Возрождения, так и времен де Голля и даже Ширака всегда уподобляли Францию сияющему небесному светилу, себе самим отводя роль Спасителей человечества".

Население Франции чуть больше 58 миллионов человек (для сравнения: испанцев – 39 миллионов, англичан – 47 миллионов, итальянцев – 57 миллионов, немцев – 81 миллион).

НАЦИОНАЛИЗМ И САМОСОЗНАНИЕ

Предостережение

Основная жизненно важная забота французов – быть истинными французами. Они абсолютно убеждены в собственном превосходстве – общественном, моральном и индивидуальном – над всеми остальными народами мира. Но в том-то и заключается их знаменитый шарм, что они нас, то есть этих остальных, не презирают, а жалеют: ведь мы, увы, не французы.

Понятие *la force* ("сила, власть, держава") лежит в основе всего, что французы сделали – не важно, хорошо или плохо, – в течение, по крайней мере, последнего тысячелетия. *La force* – суть их жизни. Это понятие связано с другими, не менее великими понятиями: *la gloire* ("слава") и *la patrie* ("родина"). Заметим, это существительные исключительно женского рода, что свидетельствует о безграничной энергетической мощи данной нации.

Французов привлекает живой трепет жизни, ее движение, ее блеск и красота. С виду они всегда аккуратны и щеголеваты, однако под внешним лоском скрываются горячие сердца, а порой французам свойственны и довольно дикие, можно сказать, атавистические порывы.

Скорее всего, другие народы были бы, в большинстве своем, неприятно поражены или даже возмущены таким государственным символом, как обнаженная Марианна, нагота которой лишь чуть-чуть прикрыта тонкой вуалью. (Этот символ Французской Республики встречается на французских деньгах и почтовых марках.) Марианна скачет по баррикадам с мушкетом в руках, и у французов сей образ вызывает слезы истинного патриотизма. И хотя национальным символом Франции вполне можно считать также петуха – птицу с пестрым оперением, производящую чрезвычайно много шума, готовую драться со всеми предполагаемыми соперниками подряд и не откладывающую яиц, – французы никогда не забывают, что их страна носит женское имя: *la France*.

Французы общительны, их трудно чем-либо смутить, и они прямо-таки созданы для всяких торжеств – банкетов, свадеб, фестивалей, праздников, – которые превращают в настоящие спектакли, с наслаждением занимаясь лицедейством и пребывая в полном восторге от своих ролей и костюмов. Дома же им тесно, они чувствуют себя узниками, заключенными в мрачную темницу. Зато французы удивительно хорошо смотрятся и чувствуют себя в таких местах, как офис, ресторан, вестибюль аэропорта (ну кто, кроме француза, может хорошо смотреться в вестибюле аэропорта?), оперный театр или бульвар. Возможно, их собственное поведение порой оставляет желать лучшего, но лицедеи они всегда отменные.

Какими они видят себя

Французы считают себя единственной по-настоящему цивилизованной нацией в мире и уверены, что их задача – вести остальные народы за собой, освещая им путь ореолом собственной избранности.

Во всех жизненно важных вопросах они, безусловно, эксперты, а то, в чем они себя экспертами не чувствуют, просто не имеет для них ни малейшего значения.

Французы видят славу для себя и в том, что остальным представляется явным поражением. Поскольку Франция выиграла практически все войны, в которых когда-либо участвовала, то французы уверены: их Родина не может не быть победительницей. В связи с чем никак не перестанут удивляться, зачем это англичанам понадобилось называть лондонский вокзал Ватерлоо – в честь той битвы, которую французы проиграли?

Француз почтет за честь для себя соблазнить женщину, с чувством победителя подаст к столу отлично поджаренный антрекот и явственно почувствует, что принадлежит к величайшей нации в мире, откупорив бутылку какого-нибудь "*grand cru*" (лучшего из местных сухих вин). Недаром французы прозвали своего короля Людовика XIV "Король-Солнце" – ведь они видят великолепие и блеск во всем, что делают. Ну а Францию ее государственные деятели как эпохи Возрождения, так и времен де Голля и даже Ширака всегда уподобляли сияющему небесному светилу, себе самим отводя роль Спасителей человечества.

Какими они видят других

Желая обрести реальную основу для собственного чувства превосходства, французы готовы великодушно мириться с фактом существования в мире других государств и народов.

Однако не стоит ждать от них "политической корректности"! В делах они проявляют себя как настоящие расисты, шовинисты и ксенофобы, хотя, завидев представителя какой-либо иной нации, француз всегда скорее улыбнется, а не нахмурится.

Французы считают англичан мелочными, невоспитанными, довольно нелепыми и совершенно не умеющими одеваться людьми, которые большую часть времени проводят, копаясь на грядках в саду, играя в крикет или сидя в пабе за кружкой густого, сладкого, теплого пива. И тем не менее, французы наблюдают за англичанами с неослабевающим любопытством.

Англичан во Франции также считают "вероломными". Эвакуация британской армии из Дюнкерка в 1940 году воспринимается французами как "*lache*" (трусливая), хотя тогда спасено было максимально возможное количество и самих французов.

Французы вполне могут за глаза называть многочисленных англичан, приезжающих по делам в Кале, "дерьмом собачьим" и считать вообще всех жителей Британских островов

"предателями" (поскольку во французском суде до сих пор дебатруется вопрос о том, не был ли Наполеон отравлен во время своего пребывания на острове Св.Елены), однако после стаканчика доброго шотландского солодового виски способны многое им простить.

Немцев французы хоть и перестали ненавидеть, но особой любви к ним не испытывают. Они твердо уверены: немцы обладают существенно более низким уровнем культуры; а вот превосходство Германии в области промышленного развития французы признают почти с удовольствием.

По отношению к немцам они отчетливо ощущают также вполне определенное политическое превосходство: ведь Германия утратила всякое "международное присутствие", лишившись после Первой мировой войны всех своих колоний. Честно говоря, и сама Франция – давно уже не самая большая колониальная держава в мире, однако французское право, французский язык и французская культура не только сохранились, но и играют значительную роль во многих государствах на всех континентах земного шара – в Канаде и на Новых Гебридах, в Индо-Китае и Французской Гвиане, в Кот д'Ивуар (ранее Берег Слоновой Кости) и Ливане.

Как бы это ни было неприятно французам, но у них с немцами много общего: педантизм в соблюдении установленных норм и правил, излишняя суховатость в общении, вера в свое историческое предназначение и взятая на вооружение концепция расовой чистоты.

Испанцев французы считают народом гордым, но чересчур шумливым, и порицают за то, что в Испании производят слишком много вина, истошая виноградники Юга (для французских вкусовых рецепторов испанское вино, возможно, грубовато, но они вынуждены признать, что "бывает и такое").

На этой оси восхищенно-презрительного отношения к различным нациям не нашлось места бельгийцам и швейцарцам. Швейцарцы – постоянный объект безжалостных шуток в рекламных роликах французского телевидения. И потом, эти швейцарцы, возможно, очень гостеприимные, так странно говорят по-французски и совершенно помешаны на чистоте!

Французы, ценя стиль во всем, просто не могут не испытывать презрения к бельгийцам, считая их глуповатыми и начисто лишенными изящества манер и тонкости восприятия. Среди французов бельгийцы всегда слыли "тупицами", и про них рассказывалось и рассказывается невероятное количество шуток и анекдотов. Таких, например, как этот:

Два бельгийских солдата спят под деревом. Неожиданно их будит страшный грохот. "Черт побери! – говорит один. – Гроза начинается!" "Нет, – откликается другой, – это бомбардировка." "Ну и слава богу! – доволен первый. – Уж больно я грозы боюсь".

Впрочем, в наши дни шутки по адресу бельгийцев оказались слегка окрашены завистью: французы отлично понимают, что уровень жизни в Бельгии существенно выше, чем во Франции.

Особые отношения

Что касается политики, то французам нравится, когда их лидеры (вне зависимости от партийной принадлежности) заявляют во всеуслышание: "*L'Europe, c'est moi !*" ("Европа –это я!"). Французы не считают существование Европейского Экономического Сообщества столь уж необходимым, но раз уж пришлось его создать, то, конечно же, главенствующую роль в этом сыграли французы – инициатором создания Общего Рынка еще в 50-е годы был французский экономист Жан Монне (известный производитель коньяка и разных фантастических идей).

И теперь Франция охотно предоставляет возможность остальным членам Сообщества (прежде всего немцам) вкладывать средства в его развитие, взяв на себя роль распределителя этих средств, единственно способного придать данному европейскому "Клубу" соответствующий облик и культурный вес.

Исторически отношения французов, американцев и канадцев являли собой смесь любви и ненависти, что понятно, ибо Франция некогда владела немалой частью американского континента, а Канаду в значительной степени населяют именно выходцы из Франции. Но постепенно отношения между этими государствами становились все более сложными.

В наши дни, например, демонстрируемый во французском кинотеатре канадский фильм на французском языке обязательно должен быть снабжен субтитрами, потому что французы не в силах разобрать, что там наговорили на звуковую дорожку эти канадцы – у них просто ужасный акцент! То же самое и с американцами: издавна ими восхищаясь – точнее, их конституцией, правовой системой и тем, что они тоже (!) выставили-таки со своей территории этих англичан, – французы отнюдь не в восторге от их "американства", то есть от того, что американцы – не французы.

Зато американцы – одно поколение за другим – всегда влюблялись во Францию и французов (о, влюблять в себя французы умеют отлично!), однако без какой бы то ни было взаимности.

Какими их видят другие

Для представителей многих других народов самое сложное в восприятии французов – чрезвычайная противоречивость и переменчивость последних. А все потому, что другим не дано распознать во всех деяниях французов одно-единственное начало: желание блюсти прежде всего собственные интересы, что, как известно, является отличительной чертой всякой крестьянской идеологии.

Четкую последовательность действий французы вообще воспринимают как нечто очень скучное, а скучным быть, с их точки зрения, совершенно непозволительно.

Подобное отношение свойственно всей их жизни вообще. Французские женщины, например, вполне сочувствуют феминисткам и готовы к ним присоединиться, но... не ценой утраты женственности, которой так славятся француженки. Французскими живописцами созданы поистине восхитительные шедевры, зато французские обои – самые безобразные в мире. Французы очень много работают, но увидеть, КАК они это делают, практически невозможно. Вы можете ехать по дорогам Франции в любое время суток, в любой день недели, месяца, года – и 95 процентов ее городов и деревень покажутся вам необитаемыми или погруженными в летаргический сон.

Какими они хотели бы казаться другим

Поскольку французы абсолютно убеждены в собственном превосходстве, то им, в общем-то, все равно, какими они кажутся кому-то другому.

ХАРАКТЕР

Основной тип француза

Тайная мечта каждого француза – быть похожим на Сирано де Бержерака, замечательного хвастуна и щеголя, героя комедии Эдмона Ростана. Сирано, как и д'Артаньян, был гасконцем, болезненно воспринимавшим недостатки собственной внешности и способным сокрушить любого, кто осмелился бы над ним посмеяться; это великий рубака и, в то же время, замечательный поэт, чьи стихи проникнуты бесконечной нежностью; это страстный любовник, однако он погибает из-за своей великой (самой великой в мировой литературе!) любви, увы, неразделенной; это, в общем-то, неудачник, но поражения он терпит столь блистательно, что достоин всяческого восхищения. И вот что, пожалуй, в Сирано для французов дороже всего: он даже умирает щегольски, не отступив ни на шаг!

Ну а о своей мечте стать похожим на Жерара Депардье любой француз говорит открыто. Когда в 1991 году на роль Сирано выбрали именно Депардье, это была поистине гениальная режиссерская находка: ведь он входит в список – и довольно-таки длинный! – французских звезд (Эдит Пиаф, Ив Монтан и "les autres", то есть "многие, многие другие"), которым удалось подняться "из грязи в князи". Французам нравится, когда у их героев и героинь – как

реальных, так и вымышленных, – печальное прошлое: чтобы в детстве их развратили, обездолили, сделали соучастниками преступлений – чтобы, короче говоря, они были изгоями, которым удалось пробиться лишь ценой огромных усилий.

Депардье французы любят прежде всего не за кинематографические роли, а за то, что он делает в реальной жизни. С точностью до наоборот действует, например, давнишняя голливудская система, при которой экранный персонаж буквально превращается во всеобщего идола. Депардье – прежде всего мужчина, а уж потом кинозвезда. Он способен отказаться от большой роли в фильме, потому что в его поместье созрел виноград и на носу сбор урожая, или открыто заявить, что если бы он был женщиной, то непременно соблазнил бы режиссера Ридли Скотта, которого называют "стихийным бедствием".

Выдумщики

Экспериментаторы по природе, французы отличаются особой любовью ко всяким выдумкам и фантазиям. Это одна из наиболее ярких черт французского национального характера. Нет такого совершенства, которое нельзя было бы испортить, нет ничего абсолютно прекрасного, чего нельзя было бы опошлить. Собственно, французов куда больше интересует не некий конкретный конец пути, а само путешествие и те заманчивые возможности, которые оно сулит.

Им нравятся любые новые идеи и концепции, они постоянно забавляются с такими серьезными вещами, как демократия, ядерная энергия, железные дороги и всякие технические штучки.

Главное для французов – быть на высоте самых современных требований. Они с удовольствием проглотят даже вопиющее надувательство, если им докажут, что это абсолютнейшая новинка, на которой еще не высохла краска. Французы не разделяют британского цинизма по отношению к рекламе. Англичане вполне могут восхищаться рекламой, но покупать отнюдь не спешат, ну а французы рекламу как таковую не ценят вовсе, зато сломя голову бросаются покупать любую новинку.

Похоже, им нравится ощущение быстротечности жизни, ее бешеная скорость, ее энергетика, стиль, переменчивая мода. Им вообще нравится все самое модное – одежда, сленг, самые последние фильмы и всевозможные технические изобретения; но у понятия "самый модный" жизнь заведомо коротка, иногда всего несколько дней, и вскоре "самое модное" становится достоянием вчерашнего дня. Недаром в философии французов понятие "*passe*", "прошлое", является одним из ключевых.

При подобном подходе в жизни с одной стороны может господствовать элитарная технократия, а с другой – совершенно дурацкие культы, например пресловутый "*Dur - Etre*" ("Быть ребенком так трудно!"), когда орды девочек-подростков с детскими сосками на шее, кривляясь и сюсюкая, выкрикивают слова популярной песенки.

Здесь, как и во всем, что они делают, французы постоянно балансируют между возвышенным и нелепым.

Самовосприятие

Интеллектуально и духовно французы по-прежнему в большой степени чувствуют себя связанными с землей, невероятно романтизируя сельскую, деревенскую жизнь. Каждый француз в душе – истинный "*paysan*" ("пейзанин").

Давно уехавший из родных мест и живущий в городе француз способен простить все на свете дородному селянину, который на досуге стреляет белок, откармливает подвешенных в сетке гусей, чтобы сделать "*fois gras*" (паштет из гусиной печени), а собственную печень истязает грубым сидром. Таким крестьянам можно простить даже баррикады из отживших свое тракторов, или забрасывание камнями полицейских, или (тем более!) сжигание живьем английских ягнят.

Даже когда французы нервно курят, сидя за рулем своих "пежо" и "рено", застрявших в пробке, вызванной подобными акциями протеста, в глубине души они исполнены глубокого сочувствия к этим правонарушителям и ощущают с ними истинное духовное родство.

Взяв старт с простой деревенской площади, французы достигли невероятных высот интеллектуального развития. Если постиндустриальные общества Великобритании, Германии, Японии и США были поглощены одним нездоровым занятием: деланием денег, то французы не только стояли у колыбели европейской культуры, но и приумножили ее плоды, ибо, по их глубокому убеждению, европейская культура – единственная культура в мире, которой действительно стоит обладать!

58 миллионов философов

Для француза очень важно слыть "*serieux*", человеком серьезным. Серьезные научные дискуссии, напркмер, разгораются во Франции повсюду и по любому поводу – обсуждаются произведения литературы, демократические свободы, неприкосновенность частной жизни и т.д.

Вообще, каждую из граней современной действительности, даже самую мельчайшую, французы изучают как бы под неким философским микроскопом. В 1992 г. перед референдумом всем гражданам страны был разослан текст Маастрихтского соглашения. И, разумеется, каждый француз этот текст прочитал!

В связи с тем, что жители Франции поголовно увлечены различными философскими веяниями и концепциями, ими куда сложнее управлять, чем, скажем, немцами, которые по натуре своей склонны подчиняться государственной власти, или англичанами, которые, хоть и будут ворчать, но все же поступят, как им было ведено.

Во всех странах Запада существует проблема безработицы. Для американцев, испанцев, голландцев, датчан, итальянцев, англичан, немцев и бельгийцев эта проблема вполне конкретна: нехватка рабочих мест. А вот для французов это, прежде всего, вопрос "цивилизованности государства".

Стоит обронить словечко, и от Нанта до Нанси, от Канн до Кале подающие надежды философы, сидя за своими персональными компьютерами, примутся формулировать новые теории и концепции. А по всей Франции еще 58 миллионов философов замрут в нетерпеливом ожидании.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Несмотря на озаренное революциями и мятежами прошлое, французам удалось создать вполне устойчивую, даже, пожалуй, неколебимую систему жизненных ценностей. Они, например, всегда с огромным уважением относились к развитому интеллекту, к высокой квалификации, а также к деятельности некоторых академических институтов.

Ибо, хотя во Франции и существуют еще пережитки старой классовой системы (немногочисленные аристократы, чьи предки не были обезглавлены Мадам Гильотиной), основа французской государственной системы – это прежде всего меритократия¹.

В США считается, что любой человек может достичь всего на свете, если по-настоящему этого захочет. В Великобритании установка несколько иная: любой может достичь всего на свете, если докажет, что он на это способен. Во Франции же уверены: любой может достичь всего на свете, если получил соответствующую квалификацию, ну а если он ее получил, то ему попросту обязаны предоставить возможность достичь всего, чего он хочет, сразу же, как он докажет, что шел к своей цели правильным путем, соблюдая общепринятые нормы и условности.

Перед умом французы поистине преклоняются. Наибольшее уважение и любовь у них всегда вызывали продукты интеллектуальной деятельности, то есть одновременно Ума и Чувств. Они способны поклоняться как идеям, так и тем, кто эти идеи создает. Именно поэтому

---

¹ Меритократия – букв. "власть наиболее одаренных", разновидность технократической утопии, основанной на принципе выдвижения на руководящие посты наиболее способных людей из всех социальных слоев. Оправдывает разделение общества на элиту и управляемые массы.

французские политики различного масштаба получают возможность выступать с любыми самыми дерзкими, фантастическими, дорогостоящими и, в общем-то, нелепыми проектами, которые просто обречены на всеобщее одобрение (даже если ясно, что впоследствии они могут закончиться страшным провалом) именно потому, что изначально были столь дерзкими, фантастическими и т.д.

В 80-е годы, например, французы начали лихорадочно искать нефть под Парижем. Остается лишь восхищаться их способностью питать столь дикие, пугающе несбыточные надежды.

У них хватает смелости бесконечно экспериментировать, терпеть неудачи и снова ставить эксперименты – поистине это народ, не обремененный собственным прошлым, а всегда готовый использовать настоящее как трамплин для прыжка в будущее и упивающийся этой своей способностью!

Страстная любовь к собственным корням

Население Франции и Англии примерно одинаково, но площадь Франции превосходит площадь Англии более чем в два раза. Именно поэтому каждый, кто приезжает во Францию, прежде всего испытывает ощущение простора. Места здесь, казалось бы, хватит на всех.

Однако французам отнюдь так не кажется. С их точки зрения, во Франции просто негде повернуться. И не только потому, что они недолюбливают (хоть и скрывают эту неприязнь) иммигрантов, которые селятся во французских домах и особняках и лишают коренных жителей рабочих мест, но и потому, что французам свойственно болезненно-собственническое отношение к каждой канаве, куче навоза и кусту крапивы на родной земле.

Земля – точнее, владение ею, – может послужить тем самым яблоком раздора, из-за которого рушатся тесные родственные и семейные узы, распадаются благополучные крепкие браки. "Жан де Флоретт" и "Манон ручьев" были отнюдь не выдумкой Марселя Паньоля². В первом фильме герой, которого играл Жерар Депардьё, застрелился, во втором – повесился. И все из-за земли! Но каждому французу близки и понятны переживания обоих киногероев.

Единственным долговременным и действительно ценным достижением Французской революции французы считают то, что она дала народу землю, которую не отнимет ни один родственник-интриган, явившийся вдруг невесть откуда.

Исключением из правил в подобном трепетном отношении к земле составляет, разумеется, продажа ненужных участков "этим предателям", англичанам, готовым, как последние идиоты, купить любой дряхлый амбар или полусгнивший свинарник где угодно – от Роскофа до Рокамадура. Одно дело ссориться из-за одного-двух камней с кровными родственниками, но совсем другое – ободрать как липку совершенно незнакомого человека, да к тому же иностранца!

Вполне возможно, места во Франции действительно хватает всем – чисто теоретически. Но на практике его никогда не бывает и не будет достаточно, даже если население страны уменьшится в два, а то и в четыре раза. Без зазрения совести французский фермер или крестьянин готов убить брата, дядю, тетю или племянника за клочок земли и пустит в ход любые длительные уговоры и лесть, чтобы добиться у родной бабушки дарственной на земельные владения; потом старушке придется, правда, коротать оставшиеся дни где-нибудь в жалком флигельке, если внуку вдруг взбредет в голову разбить дополнительную грядку и посадить бобы.

Буржуазия как класс

Быть буржуа – это не конкретный общественный статус, не принадлежность к определенному классу, а, скорее, образ жизни. Причем этот образ жизни, как ни странно, вызывает у французов одновременно и восхищение, и отвращение. Буржуазия привлекает их

---

² Марсель Паньоль (1895-1974) – французский писатель, сценарист, режиссер. Его послевоенный фильм "Манон ручьев" ("Manon des Sources", 1953) эпически воспекает патриархальную жизнь крестьян.

уверенностью в себе, отсутствием вульгарности, своей надежностью и долговечностью. Однако французам отвратительны предсказуемость буржуазии, отсутствие любознательности, излишняя респектабельность. Это тяжелый внутренний конфликт, и разрешить его французам пока что не удалось.

С первого взгляда кажется, что во французском буржуазном обществе царит истинное равенство – попробуйте, например, представить себе, чтобы в Англии посетитель ресторана говорил официанту "сэр". И все же незаметное глазу прежнее деление на классы в общем-то соблюдается. Среди выходцев из рабочего класса крайне мало юристов, университетских профессоров, врачей или бухгалтеров высокой квалификации. Сыну обыкновенного шофера по-прежнему чрезвычайно трудно стать архитектором, а уж дочери шофера – и подавно.

Сама буржуазия тоже делится на несколько весьма различающихся между собой подклассов:

Крупная (*grande*) буржуазия – это выходцы из таких всем известных семей, которые в некоторых других странах называют "хорошими". Типичный пример – де Голль. Подобные "хорошие семьи" играли важную роль в великом прошлом Франции.

Средняя (*bonne*) буржуазия или просто буржуазия – это отпрыски новой породы французов, которым, скорее, предначертано сыграть главную роль в великом будущем страны.

Мелкая (*petite*) буржуазия вызывает у французов наибольшее презрение: ее представители не сыграли сколько-нибудь существенной роли в великом прошлом Франции и вряд ли получат приличную роль в ее великом будущем. К тому же ряды мелкой буржуазии постоянно пополняются за счет рабочих, пусть даже и великих тружеников.

Ну что ж, в столь двусмысленной ситуации французы ведут себя как всегда наилучшим образом: они просто не обращают на эту ситуацию никакого внимания – не то чтобы ожидая, что она сама собой рассосется, но надеясь все же, что особого значения в будущем она иметь не будет.

Французская аристократия – точнее то, что от нее осталось, – давно уже сброшена со счетов. Но совсем она не исчезла. Аристократы по-прежнему устраивают вечера и коктейли, банкеты и балы, демонстрируя как собственную щедрость, так и узость своего круга, однако на это тоже никто не обращает особого внимания. В старинных дворянских поместьях устраивают даже загонную охоту на лис, но французы не дают себе труда запретить подобные развлечения. Лучше просто не обращать на что то внимания, чем этому противоборствовать.

Довольно трудно бывает отличить одного буржуа от другого: представители крупной буржуазии всегда безупречно одеты и никогда не разговаривают с теми, кто не принадлежит к их кругу: представители средней буржуазии тоже всегда безупречно одеты, но разговаривают абсолютно со всеми; безупречно одеты и представители мелкой буржуазии, однако эти разговаривают исключительно для того, чтобы на что-нибудь пожаловаться. Лучше вообще не называть никого из французов словом "буржуа".

Представители крупной буржуазии и без вас прекрасно знают, к какому классу принадлежат, и будут недовольны, ибо вы утверждаете и без того очевидное. А представители средней буржуазии непременно будут обеспокоены тем, что их могут перепутать с представителями мелкой буржуазии и тем самым оскорбить их честь и достоинство. Наш вам совет: старайтесь по возможности избегать данного понятия в разговоре с французами.

Снобизм

Французы – великие снобы. Их снобизм проявляется, например, в том, какие породы собак они предпочитают; в Великобритании эти породы давно уж из моды вышли, а французы упорно продолжают держать именно таких собак (во Франции по-прежнему считаются "шикарными" коккер-спаниели и скотчи). Снобизм французов чувствуется также в одежде, которую они носят, в выборе района, где они намерены жить, или школы, в которой будут учиться их дети.

Французы довольно редко отдают своих детей в частные школы-интернаты, но престижных лицеев во Франции немало. Оттуда прямой путь в коридоры власти. Ребенок,

который учится в "правильно выбранном" парижском лицее, может затем поступить в такие привилегированные высшие учебные заведения, как Национальная Административная Школа (*Ecole nationale Administrative*) или Политехническая Школа (*Ecole Polytechnique*), тем самым обеспечив себе попадание в высшие правительственные круги (*Grand Corps d'Etat*) – уже само по себе сочетание слов "высший" (*grand*) и "правительственный" (*d'Etat*) показалось бы немыслимым ненавидящим всякую государственную и правительственную власть англичанам.

В названных выше институтах учились все французские президенты. А некоторые французы, например Жискара д'Эстен, окончили их все подряд и принадлежат, таким образом, к весьма могущественной и немногочисленной группе "старых однокашников".

Снобизм французов проявляется и в том, где они покупают вещи и продукты, где едят и играют в теннис, где берут уроки танцев, где проводят отпуск и какую посещают церковь (из тех 10 процентов населения, которые вообще ходят к мессе).

Французский снобизм воспринимается чуть легче снобизма других наций исключительно благодаря тому, что в основе его лежит скорее хороший вкус, а не дедовские принципы того, что "правильно", а что "неправильно".

Стиль

Французы – люди чувственные; любви они отдают весь пыл своей души, а музыку пишут такую, что ею нельзя не восхищаться, ибо она – как восход солнца над морем.

Но кто, кроме французов, согласится потратить целых семь с половиной минут на то, чтобы положить в коробочку крошечное "*tarte aux cerises*" (пирожное с вишнями), перевязать коробочку лентой и вручить ее покупателю с таким видом, словно это долгожданный первенец, отлично зная при этом, что сия благословенная вещь будет мгновенно съедена, стоит покупателю ступить за порог кондитерской?

Да, мода здесь диктует все, и еда не является исключением из этого правила. Современная кухня – поистине апофеоз французского кулинарного искусства: крошечные кусочки пищи, разложенные на редкость красиво (при этом еда радует скорее глаз, чем желудок) – вот истинное торжество стиля над материальным содержанием.

Феминизм и женственность

У француженок по-прежнему такой вид, словно мужчины непременно должны распахивать перед ними двери, подносить им чемоданы и уступать место в транспорте. Словом, этим элегантным особам мужчины необходимы примерно с той же точки зрения, с какой идеальной огранки самоцвету требуется соответствующая оправка. И француженки по-прежнему с удовольствием воспринимают такие комплименты, от которых пришли бы в совершеннейшую ярость их английские или американские сестры.

Как и повсюду, женщины во Франции требуют такой же, как у мужчин, зарплаты, возможности занимать высокооплачиваемые должности наравне с мужчинами и равных с мужчинами возможностей в плане образования и профессионального роста – это логично, разумно и вполне приемлемо. Но при этом у француженок нет ни малейшего желания отказываться от той власти, которой они всегда столь искусно владели и пользовались независимо от того, кто они – хорошие жены или замечательные любовницы.

Француженкам всегда хотелось и хочется, чтобы мужчины им поклонялись и пытались их соблазнить. Мысль о ненависти к мужчинам вообще или о том, чтобы существовать совсем без мужчин, представляется подавляющему большинству француженок просто нелепой. Какой смысл щеголять в модном платье или демонстрировать особую женскую проницательность, если рядом нет восхищенных мужских глаз? В чем радость и *frisson* (трепет) жизни, если нет мужчин, чтобы сыграть в этом вечном спектакле соответствующую роль?

Подобные взгляды разделяет и абсолютное большинство французов, которых способна привести в восторг не только красота женского тела, но и красота женского ума. Мадам де

Помпадур и мадам де Ментенон³ не были, возможно, в молодые годы такими уж красотками, но править страной умели куда лучше своих царственных любовников. Идеальное сочетание, с точки зрения франка, это *mens sexu in corpore sexu*, что можно примерно перевести как "в сексапильном теле сексуальный дух".

Богатство и успех

Франкские "денежные мешки" не задирают нос, в отличие от своих английских, итальянских, немецких или американских коллег, а носят темные костюмы, ездят в темных автомашинах, живут в темноватых домах, пьют темно-красное вино и встречаются по темным углам.

А в тех редких случаях, когда все-таки выползают из тьмы на свет божий, они не бросаются сломя голову в дешевые магазины "Чемпион" или "Интермарше" и не ездят в общественном транспорте. И только они (да еще крестьяне), в отличие от остальных французов, никогда не проводят свой отпуск в кемпинге – для этого у них есть просторные мрачноватые виллы в предельно уединенных местах, где царят полный покой и благолепие.

Пусть другие хвастают своими богатствами, вульгарно обвешиваясь драгоценностями, покупая скоростные автомобили и толстенные сигары. По-настоящему богатые французы никогда ничего подобного себе не позволят, предпочитая спокойную жизнь в элегантном особняке, где-нибудь в тихом квартале, среди высоких, увитых плющом или диким виноградом стен и под защитой *chiens mechants* (злых собак). (Следует отметить, что французы всегда честно называют действительно злых собак "злыми", тогда как в других странах этих чудовищных тварей принято называть, например, "сторожевыми собаками". Нет, французы всегда готовы открыто признать, что тот или иной пес оказался "злобным", "опасным" или "свирепым".)

Перечисленные выше и довольно скромные признаки богатства – всего лишь отдаленное эхо того показного хвастовства, каким славились аристократы прежних дней. Нет больше ни роскошных замков, ни прекрасных парков, ни сверкающих великолепием балов, ни ежегодных порок кнутом, которым подвергали крестьян в порядке профилактики... Поскольку в общественных местах аристократов встретить практически невозможно, они стараются изловчиться и проявить свое превосходство над остальными в таких, например, случаях, когда – исключительно редко – им удастся столкнуться с представителями буржуазии или с большевиками. О нет, они не станут морщить нос при виде тех, кто не в состоянии позволить себе все самое лучшее; они просто притворятся, что абсолютно этих людей не понимают.

Попробуйте вступить в разговор с двумя-тремя французами или француженками из разряда очень богатых (это трудно, но все же возможно – например, в дождливый день на улице Риволи, когда никак не удастся поймать такси), и вы увидите, что уже через несколько секунд эти люди посмотрят друг на друга с таким видом, словно хотят сказать:

"Нет, я просто не в силах уразуметь, о чем они говорят? А вы этих людей понимаете?". После таких взглядов чувствуешь себя полным ничтожеством!

Французские автомобили

От подержанного французского автомобиля проку никакого. Именно поэтому магазина, где бы торговали подержанными автомобилями, не найдешь ни в Реймсе, ни в Лионе, ни в Марселе.

Когда французы покупают новую машину, то это на всю жизнь, что для самой машины означает примерно три года, а для водителя – особенно если их у одной машины несколько – и того меньше. Французы всегда предпочитали маленькие, достаточно скромные с виду автомобили – отчасти потому, что такие машины ведут себя исключительно мужественно, а

---

³ Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де Помпадур – фаворитка короля Людовика XV; Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон – любовница, точнее, вторая жена Людовика XIV.

преодоление подъемов и спусков на шоссе составляет существенную часть победы в борьбе с жизненными бедами и неурядицами, а также и по той причине, что за маленькие машины приходится платить меньший налог (он во Франции зависит от того, сколько лошадиных сил в моторе вашего автомобиля). Между прочим, именно поэтому роскошные лимузины во Франции встречаются крайне редко.

Однако любимцем всех франков остается автомобиль 2CV (или "*deux chevaux*", как его прозвали, то есть "две лошадки"), который, к сожалению, больше уже не выпускают. Честно говоря, он гораздо лучше смотрелся бы в качестве приза на верхушке ярмарочного столба. Однако же следует признать, что машина эта весьма экономична, удивительно удобна в управлении (за исключением тех случаев, когда тормозишь или поворачиваешь за угол), ее очень легко починить и, в общем, именно её (отметьте!) французы называют "самой интеллигентной машиной в мире".

Тех, кто пытается подражать французам, такая вот фразочка способна озадачить на всю оставшуюся жизнь, но во Франции она звучит совершенно естественно, ибо французы ищут Интеллигентность во всем, что способно двигаться.

ПОВЕДЕНИЕ

Французы – люди очень правильные, обладающие несколько застывшими образом мышления и строгими нормами поведения. Со времен Наполеона они обожают вводить разнообразные неписанные правила – причем чем жестче, тем лучше – в этикет, моду, этику, дипломатию, искусство, литературу и юриспруденцию.

Они свято верят в то, что называют *le droit* (право, закон), полагая, что все основное в жизни должно делаться по правилам, в нужное время и в нужном месте.

Зато они терпеть не могут всяких мелких "придилок" и чаще всего просто не обращают на них внимания – сюда относятся, например, требования парковаться и курить в определенных местах, соблюдать, сидя за рулем, правила дорожного движения, не швырять мусор и не мочиться где попало.

Для француза между основными государственными законами и нормами поведения (с педантичным соблюдением всяких неписанных требований и формальностей) целая пропасть различий. Первые следует полностью игнорировать, последние – строго соблюдать.

В качестве примера приведем формулу, которой французы обычно заканчивают свои письма. Если англичане и американцы быстренько нацарапают в конце письма "с наилучшими пожеланиями", "всего наилучшего", "скоро напишу еще" или (при совсем уж формальных отношениях) "искренне ваш" и останутся очень собой довольны, то французы буквально настаивают на следующем: "*Nous vous prions d'agréer, Monsieur, l'assurance de nos sentiments respectueux*" ("Примите уверения, месье, в совершеннейшем к Вам почтении") или (максимально вольное): "*N'oubliez pas de nous donner de tes nouvelles de temps en temps, s'il te plait*" ("Пожалуйста, сообщай о себе время от времени...")

Родной язык для французов – воплощение национального достоинства, а потому они, как бы в целях самозащиты, формализуют его самым невероятным образом. Во французских словарях обычно есть даже специальный набор фраз, которыми желательно пользоваться как "средством аргументации".

Быть стилизованными для французов не менее важно, чем обладать стилем.

Семья

Французы очень привязаны к своим семьям – родная кровь для них определенно не минеральная водичка. Они чрезвычайно гордятся своими детьми – отчасти потому, что уже многие годы во Франции постоянно наблюдается прогрессирующее снижение рождаемости. Разумеется, свое поражение во Второй мировой войне французы связывают в значительной степени с тем простым фактом, что немцы "быстрее размножались" в первые два десятилетия

двадцатого века. Во Франции и в наши дни различными способами поощряется желание иметь в семье как можно больше детей.

Старших членов семьи французы уважают, младших –любят. Семьи родственников – дедушки и бабушки, тети и дяди, внуки и племянники – зачастую живут по соседству друг с другом. В составлении общесемейных планов участвуют представители всех поколений, вместе решая, как лучше провести совместный отпуск, как найти выход из той или иной проблемы. Все члены большой семьи участвуют также в торжественных обедах и прочих трапезах.

Детей с малых лет всячески поощряют, если они открыто делятся своими мыслями, и годам к семи-восемью это отличные собеседники. Для француза одна из основных радостей жизни – совместная семейная трапеза, превращающаяся в настоящее действо; в таком празднике участвуют все члены семьи – три или четыре поколения, – которые с удовольствием веселятся где-нибудь в ресторане или устраивают вечеринку у кого-то дома. И нет более сурового наказания, чем запрет на участие в подобном празднестве.

В одной французской семье сына, слегка нарушившего правила семейного этикета, наказали так: с накрытого к обеду стола демонстративно убрали его прибор; при этом провинившийся пугающе напоминал беднягу Дрейфуса⁴, когда того вели по плацу в мундире с оторванными пуговицами и со сломанной пополам шпагой, однако не жаловался и поступил, как ему было ведено, то есть отобедал в полном одиночестве на кухне.

Дети

Английские дети похожи на чертенят и ведут себя черт знает как. Итальянские дети похожи на падших ангелов, но ведут себя, как падшие дьяволы. Французские дети с виду – чистые ангелы, но ведут себя как сущие чертенята.

Последите за группой ухоженных и разряженных в пух и прах французских малышей, которые играют на пляже или в парке – стоит взрослым хоть на миг отвернуться, и прелестные детишки тут же начнут швыряться землей или песком, стараясь попасть в глаза или в уши, колотить друг друга по спине детскими лопатками или пинать ботинками под коленки, но все это молча – будут слышны лишь глухие удары да стук камней, брошенных кем-то из ангелочков.

Дело в том, что как только французских детей спускают с поводка, среди них тут же воцаряется анархия. Во время общепринятых, строго организованных, официальных буржуазных мероприятий дети ходят за ручку со старшими (мамой, папой, бабушкой, няней) – на детских праздниках, на семейных торжественных обедах, в гостях. На улице колонна из трех-четырех десятков маленьких французов, идущих парами, выглядит совершенно очаровательно и вполне заурядно.

Когда их знакомят с кем-то из взрослых, маленькие французы торжественно протягивают руку для рукопожатия или с неподражаемой скромностью подставляют щечку для поцелуя, не проявляя при этом ни малейших признаков смущения.

Ради своих детей французы не останавливаются ни перед какими жертвами. Особенно во время каникул. Во Франции на любом пляже есть школа плавания, которой руководят тощие пожилые инструкторы, бывшие чемпионы (а французские пловцы еще более худы, чем французские велосипедисты). Тренировки ведутся со знанием дела, спрос с учащихся суровый, но в море детям купаться разрешают крайне редко.

Рядом с бассейном – специальная детская спортплощадка, где маленькие "уточки" и "дельфинчики" учатся взбираться по канату, делать кувырок с разбегу и проползать сквозь длинную трубу. Учат их этому бронзовотелые подростки, относящиеся к своим обязанностям чрезвычайно ответственно.

---

⁴ Имеется в виду капитан Дрейфус, несправедливое обвинение которого и последовавшая за этим в 1894 г. высылка на Иль-дю-Дьябль во Французскую Гвиану (предполагалось, что он выдал Германии некоторые военные тайны) раскололи выведенных из себя французов на два лагеря. – *При м. автора.*

Таким образом, французские дети вырастают с твердым пониманием того, что они-то и есть самое важное в жизни. Подтверждение этому выводу они находят на каждом шагу: за ними тщательнейшим образом ухаживают, им охотно позволяют участвовать в разговорах взрослых, а дяди и тети, бабушки и дедушки, как и все прочие престарелые родственники, всегда готовы излить на них водопад своего обожания.

И, надо сказать, подобное поклонение детям нравится.

Пожилые члены семьи

Во Франции по-прежнему господствуют традиционные устои, принятые в большой сельской семье, где все ее члены всегда стараются держаться вместе. Мысль о том, чтобы отдать бабушку в дом престарелых, представляется французам настоящим кошунством и тут же с негодованием ими отвергается. Они считают совершенно естественным собственноручно заботиться о своих престарелых родственниках. Да и потом так гораздо дешевле. И всегда есть кому посидеть с детьми.

Животные

В мечтах сельские жители Франции видят себя великими охотниками, грубыми и примитивными, а потому им, в общем-то, невдомек, с чего это людям нравится держать у себя дома всяких никчемных зверюшек.

С точки зрения французов, может быть всего две причины для наличия в хозяйстве животных: их можно убивать, употребляя мясо в пищу, или же использовать для различных служб (как, например, используют пастушьих или сторожевых собак).

Даже в городах французы предпочитают держать исключительно полезных или "престижных" собак – таковыми считаются немецкая овчарка (отличный сторож) и пудель (отличный элемент интерьера, способный подчеркнуть тонкий вкус хозяина). Однако и французы постепенно входят во вкус и довольно часто теперь содержат животных в доме "просто так". Во Франции примерно 10 миллионов собак, и, надо признаться, многие из них буквально едят со своими хозяевами за одним столом; поистине пугающим представляется также тот факт, что невероятное количество псов пользуются правом ездить рядом с хозяином на мотоцикле.

В то же время французы практически начисто лишены в отношении животных той тошнотворной сентиментальности, какой отличаются англичане. Французам никогда бы и в голову не пришло завести такое учреждение, как "Баттерсийский дом собак", да и с какой стати брать в дом собаку, которую кто-то уже бросил и, наверное, не без причины?

Домашние псы, случайно забежавшие на чужую территорию, рискуют получить исподтишка отраву. Французы не испытывают никакой жалости к бездомным собакам. Они их уничтожают.

Вождение автомобиля

В наибольшей степени эгоцентризм французов проявляется, когда они за рулем. В эти мгновения ими поистине правит анархия. Вот тут-то и можно видеть, что такое настоящий французский характер. Правила дорожного движения воспринимаются французами как интересные предложения, которые можно было бы рассмотреть, если бы не было чего-то куда более важного.

Обычно француз (или француженка), будучи, разумеется, патриотом, садится за руль "пежо", "ситроена" или "рено", заводит двигатель, включает скорость и едет себе по Европе, как по собственной вотчине.

Французы – не просто плохие водители; это водители безумно опасные. Каждый перекресток на сколько-нибудь крупном шоссе у них напоминает битком набитую танцевальную площадку, где машины беспорядочно вальсируют, сталкиваясь друг с другом,

толкаясь бамперами и стараясь во что бы то ни стало расчистить себе путь, проявляя при этом полнейшее презрение к присутствию других машин.

Во Франции попытка перейти улицу по пешеходной дорожке – один из самых волнующих моментов жизни. Идущие слишком медленно (по причине, например, возраста или увечья) должны смириться с тем, что остаток жизни им придется провести исключительно на своей стороне улицы, никогда не переходя на другую.

Чуть ли не первым законом, введенным немецкой армией для жителей Парижа в 1940 г., был закон, обязывавший французов переходить улицы и дороги исключительно в указанных для перехода местах. С этого момента Третий рейх был обречен.

Французы, подобно немцам, считают самыми плохими шоферами в мире англичан, хотя ежегодный кровавый урожай на французских шоссе свидетельствует, казалось бы, о чем-то ином. Французские водители способны вести машину, глядя по сторонам, повернувшись назад или любуясь небесами (если есть люк в крыше), и при этом каждый проявляет собственную неповторимую индивидуальность, стремясь навстречу неотвратимой гибели.

Если дорога становится хуже, француз лишь пожмет плечами и закурит "Галуаз". У французского шофера такая вера в тормоза собственного автомобиля, перед которой меркнет и кажется смешной вера Жанны д'Арк в Господа Бога. Да и вообще французы воспринимают каждый *feu rouge* (красный свет), каждый *carrefour* (перекресток) и каждый *rond - point* (разворот) как личное оскорбление и попрание свободы.

" *Prudence* " ("Соблюдайте осторожность!") гласят дорожные знаки на обочинах шоссе, но для французских водителей тема осторожности даже не подлежит обсуждению.

Нормы жизни

В душе французы традиционалисты. И весьма неодобрительно относятся к нарушению общепринятых норм поведения несмотря на то, что всем сердцем любят разнообразные революции, любят разрушать старое и строить новое,

начиная, как дети, с некоей черты на земле, отмечающей старт (вопрос о том, где и как провести эту черту, представляет собой особую тему для бесконечных споров и дискуссий).

Все должно делаться *comme il faut* (как следует) – это выражение годится для оценки как заключенного брака, так и выпитого вина, как вкуса специально откормленной и нафаршированной утки, так и правильно написанного адреса на конверте или вежливого обращения к учителю. В мире существует установленный порядок вещей, и установили его безусловно французы!

Их желание во всем этот порядок поддерживать лучше всего прослеживается во время летнего отпуска. Если англичане, испанцы, итальянцы и даже немцы расслабляются вовсю, позволяя себе ходить небритыми, обедая когда придется, одеваясь как попало и с рассеянным видом натыкаясь на прохожих, то французы и в отпуске ведут себя так, словно по-прежнему пребывают под микроскопом повседневных деловых отношений.

Французы – и мужчины, и женщины – тратят на свой утренний туалет не менее двух часов. Понаблюдайте за кем-нибудь из них летом в кемпинге и сами увидите, сколько времени требуется французу, чтобы умыться, побриться, расчесать усы и принять душ. Когда он наконец приводит себя в порядок, пора уже переходить к аперитиву перед обедом.

Французские жены готовят своим мужьям обед из трех блюд и подают его даже в самую палящую жару на изящном столике, накрытом льняной скатертью, идеально сервированном, с непременно начищенными столовыми приборами. Белое вино охлаждается в ведерке со льдом, даже если рядом практически нет тени; красное вино доведено до "комнатной температуры" в палатке. Все в полном порядке – хлеб, сыр, соус.

Месье жадно поглощает пищу. Мадам стоит у него за спиной, чуть в стороне, и радостно кивает. А потом, как только обед будет окончен, непременно перемывает посуду и все аккуратно приберет, и только после этого супруги начнут строить какие-то планы дальнейшего времяпрепровождения. А между тем остальные обитатели кемпинга, иностранцы, едят на ходу или сидя на земле, неэстетично роняя крошки изо рта и из карманов.

Религия

Несмотря на традиционную приверженность католицизму, французы всегда вели себя по отношению к религии независимо, имея особый взгляд на данную проблему. Так, в течение практически целого века у Франции был в Авиньоне собственный папа, серьезно соперничавший с другим папой, находившимся в Риме.

Католицизм всегда устраивал французов, поскольку в нем делается упор на грех и его оправдание, а не на вину и позор. Представление о том, что можно запросто грешить сколько угодно, если готов впоследствии от своих грехов отречься, наилучшим образом соответствует непреодолимому желанию французов всегда и во всем отыскать обходные пути.

Французские соборы подавляют своей тяжеловесной мрачностью, в них пахнет анисом и карболкой, а службу отправляют святые отцы, в значительной степени утратившие былой авторитет и куда больше озабоченные крахом идей социализма, чем упадком католицизма.

Но вот в чем французы действительно весьма хитроумным способом преуспели: они умудрились избавиться от множества обязанностей и обременительных забот, налагаемых религией, но при этом сохранили все религиозные праздники!

Именно поэтому в день Успения Богородицы на французских улицах можно увидеть так много иностранцев, с мрачным видом слоняющихся без гроша в кармане, ибо по случаю праздника в городах Франции не работает ни один банк.

Вот вам еще один пример способности французов взять от жизни все самое лучшее, а об остальном просто забыть, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести и совершенно не думая о возможных последствиях своего поведения.

МАНЕРЫ И ЭТИКЕТ

Французы, особенно парижане, могут быть феноменально грубы – если захотят. И здесь нет ничего от нечаянной грубости представителей других национальностей. Если французы ведут себя грубо, значит, они считают, что в данном случае это необходимо.

В частности, французы с особым удовольствием грубят совершенно незнакомым им людям. Если вы нечаянно наберете не тот номер телефона, то будьте уверены: на вас выльют целый ушат гневных оскорблений. Также частенько случается обмен оскорблениями и среди друзей, но без особого, впрочем, ущерба для их отношений. В Англии, например, если вы кого-то оскорбите, то это обида на всю жизнь. А вот французы могут нанести друг другу чудовищные оскорбления и на следующий день вести себя так, будто ничего не произошло.

Этикет

Французы чрезвычайно общительны, но собственную частную жизнь ценят и всячески оберегают. Они ревниво блюдут свои права на священные мгновенья раздумий, на ежевечерние семейные дискуссии, на возможность посидеть в одиночестве за столиком кафе, уставившись в стакан любимого перно и не думая о том, что жизнь катится мимо.

Они строго соблюдают необходимые правила этикета и следят, чтобы определенные вещи ни в коем случае не делались прилюдно. Здесь не принято, чтобы мужчины причесывались на улице, а женщины поправляли макияж. Какой бы жаркий ни стоял день, француз, идя по улице, никогда не снимет пиджак и не распустит узел галстука; одежда его всегда будет в полном порядке.

Однажды французский парламент довольно долго всерьез обсуждал вопрос о том, стоит ли мужчине, голова которого возвышается над стенками уличного писсуара, приподнимать шляпу и здороваться со знакомой женщиной, если она в этот момент проходит мимо.

Во французских автобусах и метро есть специальные места для инвалидов войны и беременных женщин. И если какой-нибудь наглец со жвачкой во рту плюхнется на такое место, его быстренько попросит встать тот, для кого оно предназначено, пользуясь при этом явной моральной поддержкой всех остальных пассажиров.

Французы уважают жизненное пространство других, уважая, прежде всего, свое собственное жизненное пространство и тщательно определив, какие именно функции отправляются ими в этих конкретных пределах, – они поступают так отнюдь не потому, что кто-то наблюдает за ними, однако уверены, что любому может захотеться за ними понаблюдать. Так что если, например, англичанин за рулем, попав в пробку, от скуки принимается ковырять в носу, то француз в такой ситуации тут же начинает прихорашиваться, поглядывая на себя в автомобильное зеркальце: тщательно поправляет узел галстука, причесывается, приглаживает взъерошенные брови или усы. Подобные различия в поведении – тоже вопрос стиля.

Единственным исключением является священный для французских мужчин процесс Опорожнения Мочевого Пузыря. Французы позволяют себе мочиться где угодно – на обочине дороги (как отвернувшись от встречного транспорта, так и лицом к нему), в реки, озера и каналы, подойдя к любому дереву, кусту или фонарному столбу, у задней стены магазина, гаража или вокзала. Они осуществляют этот процесс, когда курят, разговаривают, удят рыбу, работают в саду, ремонтируют карбюратор своего автомобиля, замешивают бетон или вываживают лошадь после прогулки верхом.

Один человек приехал отдыхать во Францию. И вот однажды, поздним вечером, ближе к полуночи, прекрасно пообедав в местном ресторанчике и выпив немало доброго вина, он почувствовал, что жизнь бесконечно прекрасна. Море было объято тишиной и покоем, в небесах сияла полная луна, и нашему герою показалось, что он почти в раю – насколько это вообще возможно, разумеется, на нашем свете. И тут из темноты вдруг выныривают трое французов и у него перед носом начинают... мочиться прямо в море!

Очарование прелестной ночи развеялось как дым. Но больше всего этого человека потрясло то, сколь сердечно все трое пожелали ему "*Bonne nuit* " ("Доброй ночи!") и удалились прочь, застегивая молнии на брюках.

Приветствия

Иностранцы зачастую не в силах бывают правильно понять и оценить привычку французов строго исполнять необходимый ритуал приветствования друг друга, обмениваясь рукопожатиями буквально со всеми (с членами семьи, с детьми, с незнакомцами) – дома, по пути на работу, придя на работу, уходя с работы домой, на пути домой с работы и т.д. В конторе, где трудится человек десять-двенадцать, первые полчаса вообще никто не работает – те, кто со вчерашнего дня еще не виделись, радостно напоминают друг другу, кто они такие.

Однако весьма важно помнить также, с кем ты в течение дня уже успел обменяться рукопожатиями. Французы считают проявлением крайней невоспитанности пожать кому-то руку дважды за день, словно в первый раз ты этого человека попросту не заметил.

Здесь по-прежнему принято говорить "*бонжур* " (добрый день) и "*оревуар*" (до свидания), обращаясь ко всем присутствующим, когдаходишь в магазин или кафе и выходишь оттуда. И вовсе это не значит, что французы чересчур вежливы. Просто они, признавая, что существуют и другие люди, изыскивают тем самым возможность обойтись без излишней грубости.

В одних магазинах хозяину полагается говорить: "*Bonjour, monsieur*" (Добрый день, месье), в других – следует сказать: "*Bonjour, monsieur. Ca va ?*" (Добрый день, месье. У вас все хорошо?"); есть и такие, где необходим более тонкий подход: "*Bonjour, monsieur. Ca va ?...* " (Добрый день, месье. Ну, и как ваши дела?...) И подобных вариантов великое множество.

Кому-то может показаться, что особой разницы здесь нет, однако для французов едва уловимые оттенки различных приветствий чрезвычайно важны. Вообще же манеры, с точки зрения французов, это и есть цивилизация. Они уверены, что без строго установленных рамок и норм поведения верх над цивилизованностью непременно возьмет дикий примитив.

А вот поцелуи играют в светской жизни французов отнюдь не столь существенную роль, как это принято считать. Но если вы все-таки целуетесь, то поцелуй должен быть сделан как следует, в полном соответствии с правилами.

А правила эти таковы: сперва вы слегка касаетесь левой щеки, затем правой и снова левой – очень формально, очень стилизованно. В Париже иногда разрешаются четыре поцелуя: левая щека, правая, левая, правая. Горе тому беспечному разнузданному иностранцу, который сперва коснется правой щеки, тогда как должен коснуться левой! Или же, не дай бог, позволит себе чересчур интимный контакт: коснется щеки губами. Французский приветственный поцелуй – в отличие от "Французского поцелуя" – понятие весьма относительное.

Настоятельная потребность французов непременно обмениваться рукопожатиями со всеми знакомыми людьми порой страшно отягощает их личную жизнь. Представьте себе: пляж под Биаррицем; на чистеньком песочке, подстелив под себя хорошенькие купальные полотенца, лежат и загорают восемь французов. К ним подходит девятый. Все восемь встают и пожимают ему руку или дружески обнимают его. Затем все девять снова ложатся на песок. И тут появляется десятый. Девять человек тут же вскакивают, чтобы его приветствовать, и этот кошмар продолжается до тех пор, пока пляжная компания не разрастается до двадцати трех человек. Естественно, эти двадцать три француза вряд ли оказались способны хоть сколько-нибудь загореть.

"Ты" и "вы"

Одна из немногих вещей, которые большинство людей усваивает о французах сразу – наличие во французском языке двух местоимений второго лица ("ты" и "вы"), которые в английском обозначаются одним "you". Но явно никому не дано как следует усвоить, когда и какое именно из этих двух местоимений следует употреблять.

Безусловно, вполне допустимо, с точки зрения вежливости, говорить "ты" собаке, даже если вы с ней абсолютно не знакомы. Однако безопасности ради никогда не говорите "ты" французу, пока он сам не обратится к вам на "ты" – если уж во Франции вам стали "тыкать", значит вы допущены в святая святых французов, в их частную жизнь, вам полностью доверяют и даровали звание близкого друга.

"Ты" – это не просто грамматическая форма. Это весьма важный, хотя и трудноуловимый социальный знак. Есть такие люди, к которым просто невозможно обратиться на "ты", как невозможно засадить за вязанье солдат Иностранного Легиона или заставить французского булочника торговать английским мармеладом.

Между прочим, в некоторых французских семьях супруги никогда не говорят друг другу "ты" в течение всей долгой совместной жизни.

КУЛЬТУРА

Французы твердо уверены, что в вопросах культуры Франция была и есть впереди всей планеты – в архитектуре и в музыке, в литературе и скульптуре, в искусстве кино и пантомимы, в драме и балете, не говоря уж об умении красиво умереть на дуэли во время восхода солнца.

И, вполне возможно, французы правы, ибо лишь в этой стране всегда умели превратить обыденное в исключительное, придать ему стиль и артистизм; это вы замечаете, просто идя по улице, сидя в кафе или читая книгу. Французским домам, возможно, не хватает того очарования и уюта, которые свойственны домам английским и американским (как внутри, так и снаружи), но сами французы даже рады, что о них судят по тому, какие книги у них на книжных полках, какие картины на стенах, и какие компакт-диски в их коллекции.

Французы ведут войны, строят заговоры и получают образование исключительно для того, чтобы продемонстрировать свой интеллект в разговоре на заданную тему. У них даже термин специальный для этого есть: *le discours* (дискурс, рассудочная речь), хотя на самом деле слово это может обозначать все что угодно – от пустой болтовни до торжественной речи. Впрочем, французы предпочитают употреблять его в следующем значении: "разумная аргументация". Владеющих этим мастерством (а их среди французов примерно 95 процентов) здесь ценят и уважают. Француз (или француженка) демонстрирует отменное владение словом

с той же гордостью, с какой иные демонстрируют принадлежащие им полотна импрессионистов, пасхальное яйцо работы Фаберже или севрскую вазу.

Для французов достигнуть особых высот в области культуры значит стать практически недостижимыми для других. Стички между интеллектуалами во Франции не менее динамичны, чем международные матчи по боксу, и вызывают у французов в высшей степени живой интерес.

Кино

Итак, французы умудряются даже самые обыденные предметы и явления превращать в произведения искусства; однако с тем же успехом они превращают явления искусства в нечто повседневное и обыденное.

В десятках французских фильмов на экране появляется всего несколько человек (скучающих, одиноких, ревнивых, безумных, растерянных – но чаще все-таки скучающих), которые молча сидят за удивительно затянувшейся трапезой.

Если бы подобные произведения искусства создавали не французы, а представители киноиндустрии любой другой страны, фильмы эти, конечно же, были бы практически лишены смысла, однако французским кинорежиссерам чудесным образом удается из скучнейших банальностей сотворить шедевры.

Французские зрители непременно досмотрят такой фильм до конца, а затем отправятся в ресторан, чтобы обсудить увиденное и соотнести его с собственным жизненным опытом. Можно, конечно, спорить, но, видимо, у этой традиции есть свое разумное объяснение.

Именно французы впервые ввели понятие кинорежиссера как АВТОРА фильма, человека, который как бы ставит на данной ленте свое всемирно известное клеймо, отражая в фильме свое собственное видение мира и оставляя во всемирном кинематографе свой собственный, исключительный след.

Французы всегда чрезвычайно серьезно воспринимали свой кинематограф. В 1940 г., например, правительство Виши объявило: "Если мы и проиграли войну, то исключительно из-за "Набережной туманов"!" – имеется в виду архетипическая французская мелодрама 30-х годов, где в главных ролях снялись Жан Габен и Мишель Морган; фильм рассказывает о дезертире, спасшем молодую девушку от банды мерзавцев, и заканчивается так, как больше всего любят французы, – несчастливо".

Радио и телевидение

На французском радио есть поп-передачи, передачи местных радиостанций, передачи в стиле ретро, передачи, посвященные серьезной музыке, спортивные и новостные передачи, а также всякие лотереи и игры-угадки, когда нужно самому звонить в студию или же ведущий звонит из студии по частным телефонам. Однако там нет ни одной передачи, обладающей стопроцентной лояльностью по отношению к государству – как, например, передачи 4-й программы Би-Би-Си в Великобритании.

Одна из форм многочисленных и весьма популярных радиопрограмм заключается в том, что ведущий звонит кому-то из слушателей, стремясь заставить человека врасплох. Этаким вариант радиовуайеризма. Надо сказать, что во время подобных передач действительно возникают довольно интересные темы для обсуждения, поскольку французы обожают поговорить обо всем, что касается поведения человека.

В основном же французское радио занимается тем, что копирует наихудшие американские радиопередачи, поэтому французы и включают его почти исключительно тогда, когда едут на работу или с работы – как звуковой фон.

Самые лучшие передачи французского телевидения – это обращения де Голля к соотечественникам, некогда довольно частые, с просьбой успокоиться, разойтись по домам и предоставить все ему. С тех пор никому не удавалось столь же успешно использовать данное средство массовой информации. Сегодня французы смотрят телевизор исключительно потому, что там показывают новости (а новости, с их точки зрения, – это события, имевшие место во

Франции, и/или деятельность французов в любой другой точке земного шара), передачи на спортивные темы (Тур де Франс, выступления французской команды регби, скачки в Шантийи) и старые французские фильмы.

Все остальное телевизионное время занимают в основном скучноватые и дешевые шоу и телеигры, которые смотрят лишь совсем отчаявшиеся, да чудовищные утренние программы "к завтраку"; единственный светлый огонек – программа "Апострофы", которая привлекает миллионов шесть зрителей. Это, если можно так выразиться, некий "окололитературный треп", в котором нашел время поучаствовать и Жискард д'Эстен, уже будучи президентом Франции: вместе с прочими участниками шоу он рассуждал на тему творчества Ги де Мопассана.

Впрочем, в связи с тем, что президента куда больше занимали проблемы нескольких одновременно происходивших политических кризисов, он касался данного вопроса лишь поверхностно, но был, как всегда, обходителен, спокоен и, что самое главное, производил впечатление большого эрудита. И выступление это принесло следующие результаты: правительство не развалилось, позиции самого президента еще более упрочились, а по всей стране началась невероятно широкая продажа произведений Мопассана.

Главная проблема с телевизором такова: он заставляет людей сидеть дома, а там количество потенциальных участников дискуссии весьма ограничено. Поэтому французы постарше предпочитают ходить в кафе, бар или ресторан (где, собственно, и смотрят большую часть телевизионных программ) или же смотрят телевизор в гостях у друзей, с которыми всегда можно обсудить интересную передачу или фильм.

Литература – от Тентена до Тартюфа

Французы преданно любят *"bande dessinée"* – свои замечательные, ставшие истинными произведениями искусства, книжки-комиксы о приключениях Астерикса, Тентена, Счастливчика Люка и других.

В комиксах французы в кои-то веки отказались от строгого соблюдения всех правил своего родного языка и используют язык живой, разговорный, исполненный юмора, словно обрадовавшись предоставленной, наконец, возможности безнаказанно писать и произносить все те выражения, которые более нигде использовать не разрешается.

Франция славится своей литературой (весьма многоречивой, надо сказать) и поэзией. Особенно французы любят Пруста (знаменитого романиста и шизофреника, подверженного депрессиям), Вольтера (знаменитого проповедника гуманности и тюремную пташку), Верлена (знаменитого поэта и дебошира), Мольера (знаменитого комедиографа, которого даже похоронить не позволили в освященной земле) и Флобера (знаменитого романиста-перфекциониста, тратившего часы или даже целые дни на поиски одного-единственного нужного слова или выражения). Любят они также Бодлера, Расина, Гюго, Дюма (обоих, отца и сына), Рабле, Паньоля и вообще почти всех, кто писал по-французски.

Читатели Пруста с прискорбием открывают для себя ту истину, что душа наша – всего лишь скопление воспоминаний, и мы живем и действуем, на самом деле будучи только рабами этих воспоминаний, как бы далеко в глубину души мы ни старались их упрятать.

В одном из романов Пруста есть сцена, когда герой, находясь в гостиничном номере у своей любовницы, прижимает к губам хрустящее крахмальное полотенце и неожиданно погружается в воспоминания о детстве и таких же крахмальных полотенцах. В другой сцене тот же герой нечаянно роняет чайную ложечку в чашку, и этот звук будит в нем воспоминания о звонком голосе колокольчика в его загородном поместье. Все это очень по-французски – всякие прикосновения, запахи, звуки, отпирающие двери в прошлое и пробуждающие воспоминания полувекковой давности.

Трагедия Пруста в том, что для описания всего этого ему потребовалось двенадцать томов, но никто еще так и не сумел сколь-нибудь удовлетворительно перевести на любой иностранный язык хотя бы первое предложение из самого первого тома.

Пресса и "Пари Матч"

У французов великое множество местных газет и несколько общенациональных, выходящих ежедневно – одна для крайне правых, одна для крайне левых, одна для правого крыла правого центра, одна для левого крыла правого центра и так далее.

По мнению французов, газеты – это прежде всего текст, а не картинки; они должны нести действительно серьезную информацию, а не печатать объявления, должны содержать солидные материалы, а не пикантные сплетни. И все же в жизни лучше поддерживать равновесие, а кто, как не французы, были всегда лучшими канатоходцами в мире? Вот потому-то у французов есть и столь любимые ими комиксы, и еженедельник "Канар Аншене" (буквально "пойманная лиса") – этакий французский вариант "СПИД-ИНФО",

Есть у них, разумеется, и "Пари Матч", хотя это, скорее, социальный институт, а не журнал. Французы очень любят его – ведь он подтверждает именно то, во что они сами так хотели бы верить: это они, французы, самые умные, самые ловкие, самые красивые, самые артистичные люди в мире, и, кроме того, они всегда в центре всеобщего внимания.

Французы совершенно не желают, чтобы этот журнал вскрывал ошибки государственных деятелей или описывал недостатки и слабости великой Франции. Так что если "Пари Матч" напишет, что 71 процент его читателей считают французов расистами, во Франции это сообщение мало кого потрясет. И дело тут даже не в том, хорошо это или плохо с точки зрения морали; эта информация касается ФРАНЦИИ – вот что самое главное.

"Пари Матч" неустанно доказывает, что Франция всегда была и есть впереди планеты всей, а остальные тащатся за ней по пятам, выбирая для себя в сокровищнице французской культуры и науки маяки для развития абсолютно любой сферы жизни – моды, кино, литературы, политики, дизайна, технологии, транспорта, градостроения, а также, разумеется, широкого использования чеснока в кулинарии.

Чтобы преуспеть в Англии, нужно быть похожим на немцев. Чтобы преуспеть в Германии, нужно быть похожим на американцев. Чтобы преуспеть в Америке, нужно быть похожим на японцев. Чтобы преуспеть во Франции, нужно быть похожим на французов.

"Пари Матч" в точности такой, как сами французы.

Музыка

Французы умудряются по-прежнему сохранять приверженность к своей традиционной музыке. Достаточно пробыть во Франции всего несколько минут, и вы, скорее всего, успеете услышать переливы аккордеона, пение саксофона-сопрано, звуки скрипки, гитары и барабана – то есть классический французский ансамбль. И пусть весь остальной мир одержим современной английской или американской музыкой, к французам это совершенно не относится.

Во Франции все еще поют песни о юных влюбленных, встретившихся весной в парке и едущих в фиакре – в точности, как пели и сто лет назад. Все французские певцы великолепно владеют модуляцией, а каждая французская песня – это одновременно и небольшое произведение драматического искусства.

ЧУВСТВО ЮМОРА

Французы всегда очень любили "физиологический" юмор, грубые шутки и клоунаду, а потому Бастер Китон и Джерри Льюис стали для них почти что родными; французы просто обожают смешные американские комедии о Джеке Бенни и Джордже Вернее.

Вообще же в основе французского юмора – 50 процентов недосказанного. Французы шутят не в лоб, а подходят к шутке как бы под углом – все равно, острым или тупым, – и, действуя "по касательной", проявляют те же тонкость восприятия и умение, какими владеют и в великом искусстве любви, хотя шутки их, надо сказать, куда веселее, особенно под конец.

Во Франции очень популярно искусство пантомимы; знаменитого французского мима Марселя Марсо знают во всем мире. А в любой теплый денек прямо с тротуара можно

наблюдать, как во дворе того или иного дома мужчины и женщины с упоением изображают, как расставляют несуществующие стулья, или борются с тугой дверью, или несут огромное оконное стекло в ветреный день.

Но никто еще до сих пор не догадался, зачем они это делают.

ОТДЫХ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Ежегодный отпуск

Французы поистине гениальны в вопросах организации и проведения отпуска, ибо открыли одну великую истину: можно обо всем забыть и уехать отдыхать, но при этом – захватить все необходимое с собой.

Уже довольно давно французы, в основной своей массе, перестали селиться в дорогих отелях и ездить на дорогие курорты, отдав предпочтение отдыху в кемпинге ("*le camping*"). Устраиваются они там с таким вкусом, что можно только позавидовать. По всей южной Европе (французы редко ездят на север) встречаются их пестрые красивые палатки: одна часть отведена под гостиную, вторая – под спальню, третья – под кухню, а в четвертой устроены гараж и мастерская.

Французская семья непременно берет с собой любимое вино, любимую еду, любимые велосипеды, любимые игры и, что самое главное, свою любимую французскую культуру. Французы едят, пьют, расслабляются и занимаются спортом исключительно по-французски.

Во Франции любое местечко для отдыха, даже автостоянки на обочинах шоссе, имеет свою спортивную площадку (*parcours sportif*) – обычно это крут с беговой дорожкой и различные спортивные снаряды. Большинство французов, не достигших еще пятидесяти лет, проводят половину отпуска на таком кругу – они бегают, пытаясь, отдуваясь и без конца останавливаясь, чтобы утереть пот со лба, подтягиваются на параллельных брусьях, прыгают через "коня", взбираются по канату и принимают участие в дурацких соревнованиях, которые любезно помогают устроить члены местного муниципалитета.

Самый крепкий, опьяняющий коктейль из яркого солнца, теплого песка, морской воды и одуряющей физической усталости вы можете получить в "Club Mediteranee" ("Средиземноморском клубе"). Здесь полномасштабная французская концепция отпуска, обладающая невероятным разнообразием вариантов, получила поистине идеальное воплощение. Этот клуб, основанный в 50-е годы Жераром Блицем как "странная смесь аристократической замковой культуры и обычаев дикарей", предлагает вам, помимо всего прочего, высокий уровень обслуживания, ощущение общности с другими людьми, сколько угодно спортивных развлечений, отличную еду и вино и, в целом, прекрасное и в высшем смысле этого слова цивилизованное приключение.

А в таких экзотических местах, как острова Корфу или Таити, клуб предоставляет французам единственную возможность провести отпуск в обществе соотечественников.

Другие способы отдохнуть

У французов имеется довольно щедрое количество различных отгулов, выходных и "библиотечных" дней. Если повезет и такой день попадает на вторник или четверг (да если еще прихватить понедельник или пятницу), можно существенно удлинить уикэнд – такую практику французы называют: *faire le pont* (перекинуть мостик), однако она не менее хорошо известна и под вторым своим названием, в котором допускается как бы легкая шутливая оговорка: *faire le point* (определиться, подвести итоги).

Самым лучшим из всех праздников считается День взятия Бастилии, когда все выходят на улицы и швыряют друг в друга всякими хлопучками, ракетами и петардами, словно демонстрируя собственную индивидуальную свободу и независимость от Государства и его законов.

Выходные

К уикэндам французы относятся с не меньшей ответственностью, чем к отпуску. Крупные города в конце недели пустеют, на шоссе возникают чудовищные пробки – это жители Франции дружно устремляются на природу, желая провести один-два дня в собственном загородном доме или погостить у родственников, которые по-прежнему ведут "*la vie paysanne*" (сельскую жизнь).

Прошло немало времени, прежде чем французы наконец позволили себе не работать по выходным, зато теперь уикэнды для них поистине священны, превратившись в одно из драгоценнейших достижений прогресса. Во Франции наблюдается также постоянное уменьшение продолжительности обеденного перерыва, а это означает, что вечернюю трапезу в кругу семьи французы стали считать более важной, чем отдых днем во время работы. А поскольку традиционный ужин длится примерно с половины восьмого до девяти, то на неделе для выходов "в свет" остается не так уж много времени. Таким образом, занятия спортом, клубные встречи, походы на танцы, в кино или в театр все чаще сдвигаются на выходные. Порой французы стараются так много впихнуть в свои субботы и воскресенья, что почти с удовольствием вновь приступают к работе в понедельник.

Спорт

Во время велогонок "Тур де Франс" жизнь в стране замирает, и все население, затаив дыхание, выстраивается вдоль трассы, ожидая того мимолетного мгновения, когда несколько сотен гонщиков со свистом, подобно пестрому облаку, пронесутся мимо на своих *velos* (велосипедах). "Тур де Франс" – самое популярное спортивное событие в жизни французов именно потому, что связано с яркими красками, огромными скоростями, истинно французским отношением к движению и пространству. К тому же недели две можно ничего не делать и, попивая вино или пиво, следить за ходом Тур де Франс. Французы прямо-таки одержимы страстью к велосипедному спорту.

В любое время года они в седле и, тощие, как велосипедные спицы, носятся со свистом вверх-вниз по горам, покрывая за день сотни километров, обгоняя все, что едет медленнее автомобиля "порше", и питаются смесью воды и адреналина. Велосипедный спорт – это победа индивидуума в сражении с ландшафтом, со стихиями природы, с великанами (ведь грузовик кажется настоящим великаном по сравнению с велосипедом!) и с проколами шин.

Из командных игр французов интересуют только четыре: регби, баскетбол, футбол и, в значительно меньшей степени, волейбол. Но зато в эти четыре игры они играют исключительно по-французски – ловко, вдохновенно, смело и очень шумно.

Секс

Французы со своим телом "на ты", что, в сочетании с неколебимой уверенностью в себе, делает их исключительно сексапильными.

В молодости Жанна Моро, возможно, и не отличалась такой красотой, как Грейс Келли, но выглядела куда сексуальнее. Жан Габен не был, разумеется, так хорош собой, как Кэри Грант, но в одной лишь шляпе Габена, чуть сдвинутой набок, куда больше сексапильности, чем во всем Гранте *целиком*.

У французов отношение к сексу приятно-простодушное. В былые времена они полагали, что молодая парочка обязательно должна встречаться в присутствии дуэньи. Однако дуэньи к ним приставляли не потому, что боялись, как бы молодежь не преступила порог дозволенного, но будучи абсолютно уверенными, что влюбленные непременно этот порог переступят. Секс всегда считался у французов неотъемлемой частью жизни, а отнюдь не дополнением к учебной программе.

Но что особенно отличает их отношение к сексу, так это наличие огромного количества неписаных правил. Например, если француз пригласил девушку к себе домой, она может быть

практически уверена, что будет предпринята попытка соблазнить ее. Повести себя более прилично показалось бы (данному конкретному мужчине) просто оскорбительным для них обоих.

С другой стороны, несмотря на то, что француз вполне может начать ухлестывать за женой своего друга или коллеги, он никогда не сделает этого в отношении его дочери.

Первое вполне допустимо, это дело, так сказать, житейское, а жизнь у французов бьет ключом. О втором даже помыслить невозможно; такой поступок безусловно сочли бы предательством, ибо дочь друга не в состоянии сама принять в данной ситуации разумное решение.

Соблазнять тоже нужно с умом; во Франции упражнения в этом искусстве практикуются только среди равных.

ЕДА И НАПИТКИ

Французы испытывают почти религиозный экстаз, наслаждаясь вкусной едой в ресторане или в доме с хорошим поваром; сама же трапеза – это некий неорелигиозный ритуал.

Во многих районах Франции обеденный перерыв по-прежнему составляет два часа, но все больше и больше французов предпочитают сократить его и закончить работу пораньше, стремясь поскорее вернуться домой, к семье. Возможно, вернувшись, они сразу же снова выйдут из дома, но уже вместе со всем своим семейством, чтобы где-то поужинать. Даже в самом скромном кафе при дороге вам вполне могут предложить замечательное *blancquette de veau* (рагу из телятины под белым соусом), которое ни в чем не уступает рагу, приготовленному в первоклассном ресторане, но стоит существенно дешевле.

Французов приводит в ужас привычка англичан есть сыр после пудинга. Переход от мяса к сыру вполне естествен – от одного острого пикантного блюда к другому. Но переходить от пудинга к сыру – все равно что есть мороженое вместе с ростбифом! И отчего это у англичан такой испорченный вкус? Неужели они ничего не смыслят в последовательности блюд и их сочетаемости? Столкнувшись с подобным варварством непосредственно, то есть у себя в кафе и ресторанах, французам не остается ничего другого, как диктовать собственные правила приема пищи – буквально вслух объясняя непонятливым, что и как им следует есть.

Как и все во Франции, пища также является предметом постоянных дискуссий. Встретившись на одной важной конференции, двое коллег, например, более получаса проговорили отнюдь не о спорте или работе, а о грибах! О том, как они их собирали летом, а потом готовили под каким-то особенным соусом. Особое внимание затем было уделено весьма редкой разновидности грибов, которые один из делегатов умудрился отыскать в горах Корсики, и тому сметанному соусу, в котором эти грибы были приготовлены.

С другой стороны, некоторым французским блюдам явно не хватает изысканности; мало того, французам вообще свойственно настолько полное отсутствие брезгливости, что это может показаться порой просто отталкивающим. Они, например, не только едят любые части тела животного, но и не считают нужным хотя бы скрыть, какая именно это часть тела. Англичане и американцы перемалывают в мощных мясорубках копыта, гениталии, мозги, хвосты и уши коров, свиней и овец, превращая все это в некую неопределенную массу, продукция из которой впоследствии может называться "бургер", или "свиная тушенка", или "свиные потроха", или "ланчен мит". Французы называют свиные ножки (с копытцами!) именно "свиными ножками" и запросто выкладывают их на блюдо рядом с прочими, в том числе и деликатесными, изделиями из свинины.

Бородатые шуточки по поводу особой любви французов к улиткам, лягушачьим окорочкам и чесноку совершенно лишены смысла. Французы прекрасно умеют все это готовить, сервировать и есть. Возможно, при виде живых улиток у вас и возникнет неприятное ощущение под ложечкой, но растопленное масло, которым они будут политы, будет наверняка лучшим в мире. Лягушачьи окорочка вполне могут показаться не слишком питательными, но выглядеть на блюде они будут чрезвычайно аппетитно!

Напитки

Известно, что только жители Люксембурга пьют больше французов, потребляющих 15,5 литров чистого алкоголя на душу населения в год.

В Нормандии и Бретани местные жители вливают в себя немыслимое количество сидра, обильно орошая им свою несчастную печень – для французов она предмет вечной заботы. Пиво популярно по всей стране. Люди с достатком любят виски, особенно солодовое (на нем имеется особая наклейка). На юго-западе Франции, по всему славящемуся своим космополитизмом побережью, в барах широко рекламируются и по прежнему пользуются успехом джин с содовой, "Пасти", "Бирр" и другие аперитивы.

И все-таки жизнь во Франции бьет ключом исключительно благодаря здешним винам!

В чем-чем, а уж в винах-то французы толк знают. (Впрочем, так и должно быть: они ведь с самого нежного возраста начинают поглощать все больше и больше этого замечательного напитка, сперва, правда, сильно разбавленного водой.)

Что бы там ни говорили жители Испании, Германии, Австралии или Калифорнии, французы твердо уверены: самое лучшее вино делается во Франции. Посетители Музея виноделия в Бордо или Университета виноделия в Шато Сюз-ла-Русс проходят мимо выставленных экспонатов на цыпочках, испытывая куда большее благоговение, чем в соборе Парижской Богоматери.

Как-то раз семью вегетарианцев пригласили на обед французы из Бордо. Одно за другим были поданы семь блюд, и в основе всех семи оказался сыр. Но к каждому кушанью полагался особый сорт хлеба и, что куда важнее, особый сорт вина. Обед удался на славу! Каждое блюдо обладало собственным неповторимым вкусом, значительно отличаясь от всех прочих, как предыдущих, так и последующих, ибо к каждой из перемен подавалось то "*grand vin*" (вино лучшей марки), то "*petit vin*" (слабое сухое вино), и на следующее утро гости проснулись, не чувствуя, несмотря на столь обильные возлияния, ни малейших признаков похмелья.

После банкета в Министерстве торговли Франции председатель Совета по торговле обратился к гостям с десятиминутной речью, которая была посвящена отнюдь не экономике, не международной торговле и не пошлинам и тарифам, а тем замечательным винам, которые подавали во время банкета; особое внимание он уделил турецкому вину урожая 1978 г. и сотерну урожая 1955 г., дав присутствующим в полной мере понять, в каком удивительном опыте им только что удалось поучаствовать, а затем высокопоставленные гости под его руководством предались ритуальным возлияниям.

Что, где и как продают

Французы, как мужчины, так и женщины, вечно превращают поход за покупками в настоящее действо. То, что другие считают занятием довольно скучным, особенно если речь идет о покупке чего-то банального, повседневного, вроде обычных продуктов, французам страшно нравится, и для них посещение магазина – это нечто среднее между спектаклем и поклонением святым местам.

Французская домохозяйка решительно входит со своей плетеной корзинкой в булочную, в рыбную лавку, в кондитерскую, в мясной магазин или к торговцу фруктами. Она щупает товар, нюхает его, пробует на вкус и, чаще всего, ругает именно то, что собралась купить. Если она станет вести себя иначе, продавец может счесть это оскорблением для себя. По мере того, как выбор близится к концу, между клиенткой и хозяином магазина разгорается честная и открытая дискуссия, в которую незамедлительно втягиваются все, кто их слышит; спор в магазине – еще одна категория дебатов, столь любимых французами. При этом одна сторона прекрасно знает, что именно ей нужно, а вторая – сколько следует за это получить. В итоге достигается определенное соглашение.

Возможно, французские супермаркеты – самые большие супермаркеты в мире (если не считать США), и основная масса людей делает покупки именно там, но все же французы очень любят старые магазинчики, так сказать, узкой специализации. Здесь никогда не нужно спрашивать: "А то-то у вас есть?". Ведь сразу видно, чем именно торгует данный магазин, ибо

продается там один-единственный вид товара. Во Франции владельцы цветочных магазинов не торгуют фруктами, в аптеках здесь нельзя купить сэндвичи или компакт-диски, а в кондитерских не подают суп.

Особым образом специализированы французские мясные лавки. Вот уж где покупателю придется выбирать! Есть магазинчики, торгующие только говядиной, или только кониной, или исключительно свининой, или птицей.

Чтобы купить все необходимое для приготовления, например, английского бифштекса и пирога с почками, можно потратить весь день.

ЗДОРОВЬЕ И ГИГИЕНА

Понятно, что французы, имея привычку к обильным трапезам и возлияниям, рассматривают каждое нездоровье как побочное проявление дисфункции печени.

Простуды, нарывы, варикозное расширение вен, свинка, облысение и судороги – все относится ими на счет неполадок с печенью. А потому панацеей они считают потребление как можно большего количества минеральной воды – "Бадуа", "Эвиан", "Перрье", "Виши", "Сен-Йорр", "Виттель". Прежде всего необходимо промыть поврежденный орган, а если не помогает, следует основательно прочистить всю пищеварительную систему, то есть применить еще одну французскую панацею – суппозитории. Суппозитории для француза – что чашка чая для англичанина: как лекарство они совершенно бесполезны, но в случае чего отлично успокаивают.

Французы верят во врачей-специалистов. Если во Франции у вас заболит спина, то вы пойдете к специалисту по болезням позвоночника. Если же одолеет кашель, вас на– правят к специалисту по грудным заболеваниям. А если заколет в ухе, вас примет иной специалист. (В сельской местности подобное отношение может порой вызвать серьезные проблемы, так что во французской провинции лечением различных болезней по-прежнему занимаются самые старые и мудрые члены семьи.)

Поскольку ни один врач-специалист не имеет монополии на временные или хронические заболевания своего клиента, как и на его умственное расстройство, то каждому приходится самому хранить свою медицинскую карту и брать ее с собой, отправляясь к очередному врачу.

Обычно состоятельные французы никогда не встречаются с одним и тем же специалистом дважды, зато они весьма неплохо разбираются в своем анамнезе и легко держат под контролем собственное здоровье.

И все же француз, пока он не заболел серьезно, скорее пойдет к фармацевту, чем к врачу. Фармацевт внимательно его выслушает, уяснит поставленный клиентом самому себе диагноз и предложит принимать те или иные пилюли или микстуры.

Действие лекарства, как и побочные явления, связанные с его приемом, он безусловно тщательнейшим образом объяснит, а дозировку аккуратно и разборчиво напишет на рецепте. Во французской аптеке совершенно невозможно купить на ходу две-три таблетки болеутоляющего: вы не уйдете оттуда, пока не выслушаете целую лекцию о действии аспирина на человеческий организм.

Гигиена

Французов ничуть не пугают естественные запахи человеческого тела – с их точки зрения живой человек и должен пахнуть. У них даже поговорка есть: "Не бойтесь микробов!", и они считают, что американцы зря так помешаны на гигиене. Французская семья из четырех человек в месяц расходует всего один кусок мыла.

Французы порицают жалкую попытку действовать вопреки природе и маскировать запах человеческого пота с помощью дезодорантов. Аромат разгоряченного тела действует на них возбуждающе. Они самым непосредственным образом связывают этот запах с такой замечательной вещью, как занятие сексом. Хотя иностранец, которому довелось ехать в августе в переполненном вагоне из Парижа в Ниццу, вряд ли разделит подобную точку зрения.

Французы недаром считаются лучшими парфюмерами в мире – "Герлен", "Ланком", "Кристиан Диор", "Шанель", "Мадам Роша"... Однако они не видят в этом ничего несовместимого с вышесказанным. Поклоняясь естественным запахам человеческого тела, вполне естественно и зарабатывать несколько миллиардов франков в год на крошечных флаконах с жидкостью, способной лишь чуть-чуть помочь вам эти запахи изменить.

СИСТЕМЫ

В жизни французов нет ни места, ни времени для чего-то посредственного. Службы должны быть либо совершенно бесполезны (что является почвой для жалоб, споров и, возможно, революций), либо безупречны (что является почвой для победных гимнов в собственную честь).

Прохромав полвека по жизненному пути с помощью совершенно непредсказуемой и чрезвычайно романтической системы телефонной связи, в 1970 году французы наконец решили: старая телефонная система никуда не годится и нужна новая, самая современная. И что же? Уже в 1980 году у них была одна из лучших телефонных систем в мире! "Франс Телеком" обслуживает абонента максимум в течение пяти минут после сделанного заказа и присылает ему счет, в котором указаны дата, номер телефона, время, продолжительность разговора и его стоимость. Видимо, вскоре к счету будет прилагаться также графическая запись беседы.

Транспорт

Французы, которые сами обычно повсюду опаздывают, приходят прямо-таки в ярость, когда опаздывает общественный транспорт. Если поезд прибывает в самый отдаленный пункт, где-нибудь на границе, хотя бы с двухминутным опозданием, телефоны тут же начинают надрываться от возмущенных звонков, и можно считать, что форменная фуражка одного из железнодорожных начальников уже слетела с его головы и спрятана в дамскую сумочку рассерженной пассажирки.

Если же опаздывает автобус, разгневанные пассажиры ждут, чтобы им непременно объяснили, почему так случилось, и готовы тут же, прямо на остановке, обсудить состоятельность и несостоятельность доводов водителя, даже если из-за этого автобус опоздает еще больше.

Столь страстная любовь к точности движения транспорта может создать известные проблемы – например, для пассажиров сверхскоростного поезда "ТГВ". Когда такой поезд приближается к станции, кондуктор сообщает пассажирам, сколько времени он простоят, и указанное количество секунд скрупулезно соблюдается. А потому, особенно на крупных станциях, часто можно видеть, что автоматические двери "ТГВ" закрываются, хотя далеко еще не все пассажиры успели сойти. О тех же, кто хотел сесть на поезд, и говорить нечего.

В том, что касается транспорта, неоспоримо одно: французы очень разумно выбрали себе страну практически идеальной формы и размеров – с точки зрения прокладывания железных дорог. Франция, в общем, не так уж велика и представляет собой почти квадрат. Здесь нет необходимости в "окольных путях", с которыми связано столько проблем, например, на железных дорогах Англии, которая чрезвычайно вытянута по вертикали. Нет во Франции также проблем, связанных с чрезмерностью расстояний, которые сводят с ума Канаду, Россию и Америку, где от одного города до другого порой так далеко, что приходится признать самолет самым быстрым средством передвижения. Итак, у французов есть поезда "ТГВ" с самыми высокими в мире скоростями, и остается только надеяться, чтобы обслуживание на тамошних железных дорогах Франции тоже стало лучшим в мире. Французы просто в ярость приходят, когда в поездах обслуживание оставляет желать лучшего.

Мирясь с необходимостью допускать на свою территорию иностранные, как частные, так и коммерческие, транспортные средства, французы все же считают, что их дороги служат прежде всего для связи между одним французским городом выдающейся культурной и

исторической значимости с другим, не менее замечательным французским городом. Дороги облегчают общение мэров этих городов и других высокопоставленных лиц, а также весьма помогают при устройстве различных городских праздников, приемов, обедов, дегустации вин и т.п.

Коричневые плакаты на обочинах французских шоссе предупреждают водителей не о приближении дорожных развязок или каких-либо помех, а о том, что скоро сосновый бор или устричная отмель, старинный замок или ферма, где разводят гусей, или, в крайнем случае, горы. Яркие рекламные щиты радостно сообщают о ближайших отелях, бассейнах, теннисных кортах, ресторанах и интересных, с исторической точки зрения, соборах. По мнению французов, чтобы достичь в конце путешествия цели, путешествовать нужно, будучи исполненным оптимизма и надежд.

Во Франции куда больше авиалиний, чем нужно этой стране. Некоторые из них настолько коротки, что стюардесса едва успевает предупредить пассажиров, как вести себя в случае "необходимости" (так французы называют воздушную катастрофу).

Однако, если позволяет время, французы считают первой необходимостью подать пассажирам самолета шампанское – чтобы и в случае неожиданной катастрофы не нанести урон заданному стилю и хорошему вкусу.

Образование

Проблемы, связанные с попытками как-то изменить во Франции систему образования, обнажают самую суть французской души – можно сколько угодно изменять надстройку, но поведение французов изменить невозможно.

После волнений 1968 года практически все, кроме самых твердолобых консерваторов, были согласны: да, перемены необходимы. Предлагалось множество нововведений: объединить в процессе обучения детей с различными умственными способностями, положить конец выделению из общей массы особо одаренных детей и помещению их в спецшколы, придать больше свободы отношениям "учитель-ученик" и т.д.

Но ни одно из этих предложений не прошло, реформа в области образования не сработала, ибо основной целью всех начинаний был "новый республиканский идеализм", ничем, впрочем, не отличавшийся от старого республиканского идеализма. Единственное, чем все это кончилось – существенно снизился уровень подготовленности учащихся.

Правительство не слишком беспокоилось, когда в школах, лицеях и университетах стали хуже преподавать математику и прочие точные науки, однако ему очень не понравилось, когда явственно упал уровень знания истории (точнее, историй о Франции) и литературы (точнее, рассказов о Франции). Единственной популярной реформой за последние два десятка лет было создание во всех средних школах так называемых демократических советов управления, состоящих из родителей, учеников, учителей, чиновников министерства и местных "шишек". Создание таких советов помогло французам несколько утолить свою страсть к бесконечным, ни к чему не приводящим дебатам.

Основные сражения по поводу реформы французской системы образования всегда имели целью как-то вырвать эту систему из-под контроля центрального правительства. Ведь чтобы устроить, например, студенческую вечеринку в Гренобле, Бордо, Тулузе или в любом другом университетском городе, нужно было сперва получить разрешение из парижского министерства! И подобное положение вещей сохранялось вплоть до 1980 года.

Но кое в чем независимость была все же достигнута. При наличии государственного учебного плана, согласно которому каждый французский ребенок в каждом учебном заведении страны обязан получить строго определенную сумму знаний, французским школам разрешено было отныне самостоятельно решать, как использовать 10 процентов учебного времени. Обычно, правда, они эти 10 процентов вообще никак не используют. Это все та же старая-престарая история о французах, которые проливали свою кровь и не жалели жизни, стремясь завоевать долгожданную свободу, а потом не знали, что с этой свободой делать,

Французские школы и университеты очень велики. настолько велики, что два преподавателя, познакомившись во время каникул, могут страшно удивиться, узнав, что

длительное время работают в одном и том же учебном заведении. Но, с другой стороны, это совсем не так уж удивительно: в учебных заведениях Франции как преподаватели, так и учащиеся работают, не зная сна и отдыха.

Самая главная ступень – это знаменитый *baccalaureat* (экзамен на степень бакалавра), которым обычно увенчиваются выпускные экзамены в школах и лицеях. Французы всегда были просто помешаны на получении этой степени. Родители готовы на все – врать, давать взятки, злословить – лишь бы их чадо успешно стало бакалавром.

Данная степень – это, так сказать, основная квалификационная характеристика человека; те, кто ее получил, считаются доказавшими свое право называться культурными людьми, а те, кому это не удалось, лишь немногим лучше американцев.

Право

Вот еще один пример приверженности французов логике и дискуссиям как инструменту системной структуризации жизни. В основе французского правосудия лежит арбитраж, то есть судебная дискуссия, а не прямое обвинение.

Во время любого подобного диспута вопрос стоит не о том, чтобы доказать правоту одной стороны и неправоту другой, а о достижении Истины.

В делах, касающихся, например, купли-продажи собственности, один и тот же адвокат может спокойно вести дела обоих – продавца и покупателя – потому что его (или ее) роль всего лишь в том, чтобы убедиться: сделка заключена справедливо и в соответствии с законом. Адвокат здесь не для того, чтобы помочь одной из сторон выиграть – чтобы вытянуть из покупателя как можно больше денег или, напротив, убедить продавца сбавить цену (хотя адвокат и может предложить любой из этих шагов, если сделка чересчур затягивается). Французская правовая система основана на следующих допущениях:

- а) все мы люди разумные;
- в) все мы знаем, чего хотим от той или иной сделки;
- с) нечестная игра на повестке дня не стоит вообще.

Французы крепко держатся этих правил, несмотря на многочисленные свидетельства обратного (то есть нарушения каждого из перечисленных допущений).

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Французские полицейские, одетые в любую форму – жандармы, отряд полиции особого назначения, национальная гвардия – обладают безусловной и неоспоримой репутацией в самых широких кругах: они выносливы, несговорчивы, тщеславны и чрезвычайно коррумпированы. И французов не слишком шокируют многочисленные доказательства этого.

Обычный полицейский куда больше озабочен борьбой с бумагами и всяческой писаниной, чем борьбой с преступниками. А потому неуплата налогов, спекуляция, торговля на черном рынке, мелкие кражи и бродяжничество не считаются "достаточно серьезными", чтобы портить показатели. Исключение составляют разве что особо тяжкие преступления – насилие, убийство, поджог и ограбление с нанесением телесных повреждений.

Иногда же полицейским просто не о чем беспокоиться. Например, где-нибудь в деревне на юго-западе Франции, в маленьком полицейском участке местные жандармы порой целыми днями играют в шары, или слушают легкую музыку, или надувают воздушные шары для своих детишек.

Каждый день они закрывают участок на два часа – это время законного обеденного перерыва – и тогда дивные ароматы начинают просачиваться из дверей кухни, выходящих на задний двор. А вечером такой полицейский мирно сидит у себя на веранде, прихлебывая аперитив.

Если вы постучитесь к нему и сообщите, скажем, об ограблении, он, скрывая раздражение, любезно назовет вам номер телефона жандармерии в городке Сен-Жан-де-Люз, находящемся в нескольких километрах от данной деревни. При этом местных жителей подобный порядок вещей ничуть не беспокоит.

Однако было бы ошибкой недооценивать французскую полицию. Если вы им чем-то не понравились, они запросто могут арестовать вас и продержать в камере 24 часа без предъявления каких бы то ни было обвинений. Это у них называется "содержание под надзором полиции".

Во Франции почти так же много преступников, как и в Англии, но гораздо меньше, чем в Америке. Впрочем, у каждой нации своя криминальная специализация. Французы, например, прямо-таки обожают воровство и убийства.

Здесь очень немного случаев, когда попытка убийства была предпринята, но не доведена до конца. Чаще всего убийства совершаются вполне успешно. Похоже, если уж француз или француженка решили кого-то убить, то постараются сделать это как следует. Особенно это предположение справедливо в отношении *crime passionnel*, то есть "убийства на почве ревности", которому во Франции даже придан особый статус, когда ревность признается смягчающим вину фактором. Тогда как, например, в Англии ссылки на вспышку ревности могут посчитать попыткой незаконно смягчить приговор; там порой ваша ревность вполне может послужить отягчающим вашу вину обстоятельством.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И БЮРОКРАТИЯ

Французы любят, когда правительство решительно вмешивается в их жизнь. Им кажется, что государство не только обязано участвовать в повседневной жизни своих граждан, но Государство, собственно, и есть Франция (вместе с ее искусством кулинарии, вином, женщинами, любовью к земле, Парижем, культурой, детьми, свободой-равенством-братством и правом парковать машину на пешеходной дорожке).

Участием государства в твоей жизни следует гордиться и ни в коем случае не избегать его. Повсюду на обочинах французских дорог огромные плакаты возвещают партнерство между государством, округом и тем департаментом, который отремонтировал данный участок дороги. Подобная система "сквозных" отношений уже сама по себе – памятник государственному планированию: благодаря ей осуществляется безупречная интеграция всех составляющих, например, непосредственная связь метро с основной железной дорогой, которая ведет прямо в аэропорт имени Шарля де Голля.

С тех пор, как возникла и стала развиваться технология как наука, французы всю используют ее достижения. Они считают, что в высказывании: "Мы знаем, что можем это сделать, но разве мы можем себе это позволить?", смысла маловато, и уверены, что если уж они действительно могут что-то сделать, то должны непременно обеспечить условия, при которых можно себе это позволить.

Что в итоге означает пышный расцвет бюрократии в этой стране? Французские бюрократы властвуют на почте, на железной дороге, на таможне, в муниципалитетах, в туристических бюро, в полицейских участках и в школах.

Французы относятся к этому следующим образом: приходится признавать, что без бюрократии во всяком приличном государстве не обойтись, однако обойти ее каким-нибудь способом можно постараться. Жители Франции во все времена стремились утвердить свое право на несогласие с некоторыми правилами и законами (которые французы всегда именуют "чепухой", если они с ними не согласны).

Политика

Действующая французская конституция создавалась с учетом того, что примерно раз в поколение во Франции возникает тяга к тирании. Она, впрочем, вполне уравнивается радостной игрой в демократию и наличием великого множества крошечных политических партий, в которые входят, например, мелкие фермеры, мелкие торговцы и маленькие рыболовы.

По большей части подобные партии существуют исключительно как наживка – несколько недель или месяцев потрепешут плавниками рядышком с Национальным Собранием и с громким плеском исчезают навсегда.

Своеобразным предохранительным средством против всяких ультра является то, что президента избирают на семь лет, а членов Национального Собрания – всего на пять. А потому возникают такие моменты, когда президент Франции и ее парламент идут как бы не в ногу – такую ситуацию хитроумные граждане этой страны называют "сосуществованием".

Только французы способны специально внести в собственную конституцию явные предпосылки к подобной несогласованности.

Подсознательно чувствуя свое, таящееся в глубине души, стремление к анархии, французы с уважением относятся к бюрократическим законам, однако самих бюрократов ненавидят. А потому президенту Франции должны оказываться все соответствующие его статусу почести – ну, скажем, эскорт из мотоциклистов и тому подобное – но ценить его как личность совсем не обязательно.

Возможно, Франция уже и не является мировой державой первой величины, однако по поведению французских политиков этого никогда не скажешь. Им, например, совершенно безразлична гневная шумиха, поднявшаяся во всем мире относительно намерений Франции возобновить ядерные испытания на атолле Муруроа. Стольких врагов сразу способна нажить лишь действительно великая нация!

Французам нравится, когда их политики – люди отважные и немного не от мира сего. Они способны простить им любую ошибку или проступок, оказавшиеся достаточно серьезными. (Один из неписаных законов французской конституции гласит: каждое новое правительство должно разоблачить какое-нибудь громкое скандальное дело, связанное с предыдущим правительством.)

Ожидается также, что французские политики всегда ловки и щеголеваты вне зависимости от возраста. Даже де Голль со своим невероятным ростом и весом заботился о том, чтобы не казаться "мешком с картошкой", – а вот в Англии очень многие члены парламента и министры выглядят именно так. Французские политики всегда смотрятся молодцом, ибо, с точки зрения любого француза, власть уже сама по себе "шикарна", привлекательна, соблазнительна, так что лицам, облеченным властью, следует одеваться и вести себя соответственно. Французский электорат никогда бы не позволил правительству вмешиваться в свою частную жизнь, если бы члены этого правительства были одеты неряшливо.

Что же касается частной жизни самих членов правительства, то французам совершенно непонятно, почему перед гражданами других государств возникают столь серьезные проблемы, если их политики оказались замешанными в какой-нибудь любовной интрижке. Во Франции считают совершенно естественным, чтобы у всех французских политиков-мужчин были любовницы или возлюбленные. И, честно говоря, когда точно известно, что у того или иного французского политика есть любовница (или любовник, если политик – женщина), такой политик уверенно может рассчитывать во время выборов на большее количество голосов.

БИЗНЕС

Французы мастерски владеют искусством делать работу незаметно. Если в других государствах люди, сурово и деловито нахмурившись, демонстрируют, как в поте лица достигли тех или иных успехов в развитии промышленности или строительства, то французы своих усилий в этой области стараются не показывать. Словно необходимость много работать

совершенно не сочетается, в представлении французов, со сложившимся о них мнением, что они давно уже открыли секрет умения жить хорошо.

На самом деле французы очень серьезно относятся к своей работе, и это отношение сказывается на их поведении – вся их трудовая жизнь буквально пронизана множеством необходимых правил и формальностей. Но "за кулисами" (когда наконец снят пиджак, развязан галстук и к губе прилипла сигарета "Галуаз") французы вполне могут оказаться весьма дружелюбными и свободными в обращении.

Однако на службе, даже если сотрудники уже лет десять называют друг друга по имени, французы, согласно этикету, непременно будут обращаться к сослуживцам "месье X", "мадам Y". При этом обращение "месье" они используют примерно так, как англичане использовали обращение "сэр" лет пятьдесят назад: "А вы знаете, месье, что..." – совершенно нормальная фраза в разговоре на службе между давнишними приятелями.

И каждое утро коллеги непременно обмениваются рукопожатиями. Прежде чем заниматься делами, необходимо правильно и неукоснительно соблюсти все формальности и правила приличия.

Поскольку работа во французских учреждениях должна быть как бы невидима глазу, там существует весьма неглупая, в определенном смысле, практика: рапорт о том, хорошо ли проявил себя тот или иной член коллектива, составляет не только его непосредственный начальник или начальники, но и его сотрудники более низкого ранга, у которых могут быть несколько иные, хотя и вполне понятные мотивы.

Правда, некоторые способы оценки французами претендента на то или иное рабочее место представляются довольно странными. Существенную роль, например, здесь играет графология. Если французу не понравится ваш почерк, он запросто может отменить назначенную деловую встречу с вами или отказаться взять вас на работу. Французы считают графологию самостоятельной наукой, дающей вполне четкое представление о характере (или о полном отсутствии оного) у того или иного претендента. Честно говоря, те, кто хочет поступить на работу, должны были бы, наверное, благословлять изобретение компьютера, снабженного принтером.

Неторопливость

Несмотря на то, что правила протокола соблюдаются свято, манеры французов безупречны и уважение к частной жизни у них в крови, они почти всегда опаздывают – на работу, на деловые встречи, на интервью и т.д. У них свое представление о том, что значит "прийти вовремя". С их точки зрения, "плюс-минус пятнадцать минут" – это совершенно нормально. Именно поэтому они уверены, что не опаздывают никогда!

Принятие решений

Усадите нескольких английских менеджеров за решение какой-либо проблемы. Они непременно предпримут честную попытку ее решить и даже через некоторое время выдадут вам решение, не важно, подходящее или нет. Столкнувшись с аналогичной проблемой, французские менеджеры с удовольствием приступят к ее обсуждению, тут же ловко отклонившись от заданной темы и затрагивая ее лишь по касательным, а в итоге предложат вам (тоже для обсуждения) совершенно иную проблему, чем будут страшно довольны.

Как это делается

Коллеги по бизнесу во Франции крайне редко приглашают друг друга к себе в гости – на обед или просто выпить. Это считается не совсем уместным. Чаще всего им даже в голову не приходит мысль о том, чтобы пригласить кого-то из сотрудников выпить бокал вина и побеседовать в домашней обстановке и домашней или хотя бы чуточку небрежной одежде. Вообще-то у французов даже понятия такого нет – "небрежный". Самое близкое по значению

французское слово – это "*sons- gene*", что означает "развязный, бесцеремонный", то есть речь, видимо, должна идти о человеке крайне несдержанном и "ни в чем себя не стесняющем".

Обычно смахивающие на униформу деловые костюмы французы носят не только на работу. Но одеваются они всегда с тем же щегольством и изобретательностью, какие характерны для всего, что бы они ни делали. Пиджаки и брюки ярких или необычных фасонов и тонов (даже у сотрудников банков) – это совершенно нормально, и одежда во французских деловых кругах отнюдь не является показателем занимаемого положения.

Что вовсе не означает, будто французам безразлично, кто как одет: напротив! Они внимательнейшим образом следят, кто одет красивее и более стильно. Возможно, Равенство и правит во Франции, но кое-кто здесь явно "равнее" других.

В наши дни француженки составляют в стране около 45 процентов рабочей силы, однако лишь очень и очень немногие из них достигают ключевых постов в промышленности и крупном бизнесе – хотя в политике французские женщины время от времени проявляют себя достаточно ярко.

Мелкий бизнес

Существует ошибочное, хотя и довольно романтическое мнение, что французы – это нация мелких предпринимателей, хозяев небольших кузниц, некрупных строительных и нотариальных контор. Почему-то все всегда считали, что если у вас даже в самой отдаленной французской деревушке сломается автомобиль, то местный кузнец вполне сумеет починить его, даже если ему придется изготовить с помощью молота и наковальни совершенно новый карбюратор.

Но все чаще мелкий бизнес во Франции – скорее исключение, чем правило. Французам нравится даже само выражение "крупная компания", ибо только крупная компания может позволить своим сотрудникам проявлять неистощимую изобретательность и поощряет их любовь к экспериментам. Кроме того, принадлежать к большой компании престижно; это придает уверенности и силы. Работающие французы вообще обычно своей работой гордятся, прекрасно сознавая, какую пользу приносят обществу и стране.

Трудящиеся, объединяйтесь!

В возможности профсоюзов французы, в общем-то, не верят. Всего 8-9 процентов рабочих являются членами профсоюзов (для сравнения: в Великобритании 51 процент рабочих состоит в профсоюзах), и эта цифра уменьшается с каждым годом.

Подобное отсутствие интереса связано, во-первых, с хроническим нежеланием французов к чему бы то ни было присоединяться, а во-вторых, с тем, что профсоюзы пребывают в вечных спорах друг с другом (проблема, скорее, "мы и мы", а не "мы и они").

Французской промышленностью руководят люди хитроумные и изобретательные (порой среди них встречаются и одна-две женщины), и благодаря этому работа кажется приятнейшим временем суток между утренним кофе и вечерним аперитивом. Французы устраивают в офисах и на предприятиях специальные комнаты отдыха, устанавливают скользящий график работы, позволяют в любое время устраивать перекуры на несколько минут и даже разрешают завершать рабочую неделю в четверг, если тот или иной работник уже выполнил свой недельный план.

С точки зрения профсоюзов, это просто нечестная игра, и они прямо-таки скисают, не выдержав столь разумно построенного наступления.

ОДЕРЖИМОСТЬ

Жизнь имеет для француза мало смысла, если он чем-нибудь лихорадочно, до одержимости, не увлекается. Французы одержимы, например, соревнованиями "Тур де Франс", а также заботой о собственном здоровье. Они как одержимые участвуют в Национальной

лотерее и во что бы то ни стало стремятся получить степень бакалавра. Их одержимость проявляется в поисках смысла жизни, в строительстве баррикад и революционной ломке старого – словом, во всем том, что свойственно им изначально.

Понаблюдайте, как французы играют, например, в шары – они чертыхаются сквозь зубы, в которых зажата сигарета "Житан", и зорко следят друг за другом из-под прищуренных век, смахивая от волнения пот со лба (только французы способны так взмокнуть, бросив небольшой металлический шар) и ворча то радостно, то зло – в зависимости от того, выигрывают они или проигрывают, – и каждые три минуты обмениваются рукопожатиями со всеми, кто находится поблизости.

Если даже невинная забава может вызвать столь сильное душевное волнение, что же говорить о делах серьезных, связанных с кодексом чести, с поисками истины, с патриотизмом и долгом, с определением того момента, когда в соус пора добавлять масло?

БЕСЕДА

Во время беседы французы без конца перебивают друг друга. Это отнюдь не проявление невоспитанности, но, напротив, доказательство того, что они внимательнейшим образом слушают, ужасно заинтересованы разговором и им тоже не терпится высказаться. Если же звучат выражения типа "*Je t'en fous*" ("А мне плевать!"), тогда это, конечно, грубость уже намеренная и самое разумное поскорее удалиться – естественно, под самым вежливым предлогом.

То, что у других народов в беседе сходит с рук, французы вполне могут воспринять как проявление невоспитанности. На стандартные вопросы, которые часто задают в начале разговора, вроде "Чем вы зарабатываете на жизнь?", "Сколько вы зарабатываете?", "Вы женаты (замужем)?" и "Есть ли у вас дети?", француз и отвечать не станет, считая, что это не вашего ума дело. Гораздо приятнее поговорить с ним об искусстве, о культуре или, лучше всего, о политике.

У каждого француза есть собственный взгляд на все эти вещи – даже слесарь, пришедший починить прорвавшуюся трубу, рад будет во время перерыва, закусывая бутербродами, обсудить с вами произведения Вольтера.

Запретные темы

Никогда не упоминайте о Второй мировой войне и, самое главное, не затрагивайте тему оккупации – французы и раньше-то терпеть не могли говорить об этом, а теперь и подавно. То, что в 1940 году немцы вошли в Париж, за чем последовали годы оккупации, было чудовищным ударом по гордости, патриотизму и престижу французов.

Французы не согласны с тем, что потерпели поражение, и не намерены обсуждать с иностранцами тот факт, что правительству Петена в Виши удалось – пусть в самой малой степени – спасти частичку их самоуважения и независимости, но какой страшной ценой: утратой чести!

Жестикуляция

Язык тела изобрели несомненно французы. Наблюдать за французским полицейским на перекрестке, когда он дирижирует ревущими потоками машин, столь же интересно, как любоваться изощренным современным танцем – ах, это виртуозное владение жезлом, эта резко выброшенная перед собой ладонь, способная заставить сотни машин мгновенно замереть на месте, этот снисходительный, элегантный кивок, позволяющий им двигаться дальше, эта грозно приподнятая бровь судии, если что-то не так!..

Во время беседы руки французов никогда не бывают спокойны. Именно руки придают их мыслям форму, очертания и объем. По движениям рук можно догадаться о душевном состоянии твоего собеседника, об уровне его интеллекта и о сердечных привязанностях.

В тех случаях, когда другие обходятся интонационным рисунком и модуляцией голоса, желая лучше выразить свои чувства и переживания, французы используют также глаза, руки, губы и плечи, обнажая таким образом всю богатейшую гамму человеческих чувств. Они целуют кончики пальцев, если что-нибудь (или кто-нибудь) уж очень пришлось им по душе. Они подносят ладонь ко лбу, словно намереваясь снять с себя скальп, когда сыты. Они скорбно приподнимают плечи, если их покорила какая-нибудь нелепость. Они похлопывают по щекам тыльной стороной ладони, когда им скучно. Они складывают губы "гузкой" и делают длинный выдох, когда раздражены.

У них есть жесты для всего на свете – для неодобрения, недоверия, превосходства, извинений и сожалений, легкого недоумения и чрезвычайного удивления, для растерянности и тоски...

Именно поэтому французы считают ужасно невежливым, если вы разговариваете с ними, сунув руки в карманы.

Обмен оскорблениями

Французы отлично умеют пользоваться оскорблениями. Особенно хорошо это у них получается, когда они застрянут в уличной пробке в час пик. Надо отметить, что у французов чрезвычайно богатый запас эвфемизмов и живое воображение.

Даже не зная ни слова по-французски, можно понять, что тебя оскорбляют, ибо французы при этом разыгрывают целое драматическое действо, вовсю пользуясь непристойными жестами и отвратительными гримасами.

Во французском языке десятки слов для обозначения того, о чем упоминать вообще не принято, но в обычных случаях французы используют лишь одно-два из них. Обычно это "*connard*" и "*con*" – самые излюбленные и распространенные из ругательств (последнее слово некогда считалось исключительно вульгарным, но сейчас в разговоре им пользуются направо и налево). Чересчур стыдливые и щепетильные могут не произносить это слово целиком, а сказать его по буквам: "*с-о-н*"

Вполне приемлемый перевод данного ругательства – "кретин чертов".

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

Именно французский язык связывает нацию воедино. В былые времена Франция была разделена на области, в каждой из которых говорили на своем языке – бретонском, лангедоке, фламандском. Чуть ли не в каждом округе был свой *patois* (говор). Это, естественно, воспринималось как угроза единству Франции, и впоследствии во французских школах стали наказывать учеников, если те заговорят на запрещенном наречии; наказанному вручался так называемый символ (чаще всего, маленький кубик), который в течение дня передавался от нарушителя к нарушителю, а к концу уроков тот, у кого этот "символ" оказывался, подвергался порке.

Ни одна другая нация не вела столь тяжелой борьбы за сохранность своего языка. Целая академия ("*Academie francaise*") неустанно трудится, дабы обеспечить его чистоту и решить, приемлемо ли то или иное слово. Неологизмы, тайком прокравшиеся в современную речь, безжалостно вырываются с корнем.

Недолгое увлечение так называемым франгле (*jranglais*), смесью французского с английским, довольно распространенное еще несколько лет назад, практически закончилось. Применяемые в бизнесе и технических науках английские слова с французскими артиклями – "*le cash-flow*" (движение денежных средств), "*le design*" (дизайн), "*le pipeline*" (трубопровод) – возмущали Миттерана: "Неужели мы должны отдавать команды своим компьютерам по-английски?" – вопрошал он.

Была предпринята попытка сделать "франгле" ненужным просто за счет изобретения французских эквивалентов. Так короткое "*un oil-rig*" (буровая вышка) превратилось в "*un appareil de forage en mer*" (установка для откачки нефти с морского дна). И подобные попытки довольно быстро прекратились.

Когда умер де Голль, Ноэля Кауарда, английского драматурга, композитора и актера, спросили: о чем, по его мнению, стали бы беседовать в раю достопочтенный "женераль" и Господь Бог, и Кауард ответил: "Это зависит от того, насколько хорошо Господь владеет французским."

Вклад французов в мировую языковую сокровищницу

Вклад этот поистине бесценен. Как можно говорить о любви без тонких НЮАНСОВ, без таких слов и выражений, как ТЕТ-А-ТЕТ, РАНДЕВУ, МОН ШЕР, БЕЗЕ и, наконец, АМУР? А без некоторых рискованных ПАССОВ любовная игра может показаться просто пресной.

Разве можно вести с кем-то борьбу без САБОТАЖА, а войну – без МАНЕВРОВ и духа КОРПОРАТИВНОСТИ, без ШПИОНАЖА, АТАК и ДЕТАНТА? Без АВАНГАРДА и АРЬЕРГАРДА? Без КАВАЛЕРИИ и АРТИЛЛЕРИИ?

Душевного равновесия легче всего достигнуть РЕЗОНЕРУ. А в речи любого современного политика то и дело встречаются всякие КУ Д'ЭТА, ФЕТ АККОМПЛИ, ВОЛЬТ-ФАСЫ и КАРТ-БЛАНШИ.

Признавая, что совершили нелепый поступок, выйдя за пределы своей компетентности, мы говорим, что с нашей стороны это был явный ФО ПА.

Женщины всего мира с удовольствием носят ПЛИССЕ и ГОФРЕ, а мужчины следят за чистотой своих МАНЖЕТ.

Но самое главное – что бы мы ели в ресторане, закусочной или кафе без КУЛИНАРИИ, КАСТРЮЛЬ, ФРИКАССЕ, КОНСОММЕ, СУФЛЕ, ЭСКАЛОПОВ, ПАШТЕТОВ, ЭКЛЕРОВ, КРУАССАНОВ, ОМЛЕТОВ, КОТЛЕТ, МУССОВ, СОУСОВ!?!..

И что бы мы делали, оставшись один на один со своим прошлым, если бы путь вперед нам не указывали ученые-ФУТУРОЛОГИ?

ОБ АВТОРАХ

Приехав во Францию в 1961 году, Ник Япп свою первую ночь провел на сеновале близ Кале. С тех пор он влюблен в французов, в их музыку, в их вина, в просторы Франции и в тот красно-фиолетовый лук, которого в Англии днем с огнем не сыщешь. Он серьезно опасается французов, когда они за рулем, и совершенно теряется, когда скорость их речи начинает напоминать пулеметную очередь.

Сидя в солнечный денек за столиком открытого кафе где-нибудь в центре небольшого французского городка и прихлебывая невероятно крепкий и горячий кофе, который столь благотворно действует на нервную систему, он чувствует, что все вокруг чудесно и жизнь, в общем-то, удалась. Когда же приносят счет и он видит, чего стоил ему этот иллюзорный покой и этот "успех" в жизни, эйфория несколько спадает, но, тем не менее, на следующий день он снова приходит на то же место!

Какое-то время он работал преподавателем, однако бросил это занятие ради писательства и радиожурналистики. В мечтах своих он обитает на прекрасной вилле, построенной басками на вершине холма где-нибудь в Биаррице. В действительности же он проживает в Кэтфорде.

Мишель Сиретт, француз по матери, учился в Париже и регулярно бывает во Франции как комментатор (вопросы бизнеса), лектор и журналист-международник. Свои статьи он публикует в "Таймс", "Файненшл Таймс" и т.п. То, что он наполовину француз, никак не сказалось на популярности его книг по проблемам лидерства.

Он говорит по-французски лучше, чем, казалось бы, должен был говорить, поскольку обнаружил, что оптимальным способом привлечь к себе внимание французов является произнесение в деловых кругах панегириков французскому стилю, благодаря которому в разговоре канун праздника Св. Георгия самым невероятным и соблазнительным образом переплетается с сырными "микробами" и "фуа гра", паштетом из гусиной печенки, которому также дается всесторонняя интеллектуальная оценка.